

ZOTOB®

18+

Даже зомби не хотят умирать!

ЧЕРЕП СУББОТЫ

Каледин и Алиса

Георгий Зотов
Череп Субботы

«АСТ»

2014

Зотов Г. А.

Череп Субботы / Г. А. Зотов — «АСТ», 2014 — (Каледин и Алиса)

Кто вскрывает гробы самых известных людей по всему миру? Кому нужна голова поэта, кровь бога и рука суперзвезды? Зачем похищен прах знаменитостей в Москве, Париже, Лос-Анджелесе? Ни один человек не сможет угадать цель «грабителя могил». Завораживающий мистический триллер от мастера черного юмора. Церемонии культа вуду, загробная магия, «проклятие куклы», рецепт создания настоящих зомби: автор тайно приезжал на Гаити – «остров мертвых». Альтернативная история: Россия XXI века, где не было революции. Новый язык Российской империи: сотовый телефон – «рукотреп», гаишник – «бабло-сбор», стриптиз – «телоголица», Мэрилин Мэнсон – «Идолище поганое». Фирменный стеб над культовыми фильмами ужасов, политикой и попсой. Драйв сюжета, который не отпустит ни на одну секунду. Без цензуры. Без компромиссов. Без жалости. Удовольствие гарантируется. Читай сейчас – пока разрешено.

© Зотов Г. А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Premiere partie:	6
Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	29
Глава седьмая	35
Глава восьмая	39
Глава девятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Георгий Александрович Зотов

Череп Субботы

© Г. А. Зотов

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Premiere partie: САНТЕРИЯ

*Пробуди мой сладкий сон —
Тогда, когда я уже мертв...*
Rage, «Wake me when I'm dead»

Пролог

...Это не было лицом. На белой, отсыревшей от влажности стене проявлялось нечто уродливое, вроде маски ужасов — из тех, что продают на Хэллоуин в любом уличном ларьке. Темные очки, неизменная сигара, рот в оскале вечного смеха и вышедший из моды цилиндр. Древняя старуха, одетая в столь же старое платье, с изрядно пожелтевшими кружевами на пышной юбке, стиснула между пальцами уголек — тот мгновенно исчез, слившись с иссиня-черной кожей. Поджимая вялые губы, оценивающе прощупав взглядом «маску», женщина сделала пару резких штрихов — стекла очков сочно налились угольной тьмой. Она не забывала следить, чтобы красота барона не поблекла: записной щеголь способен оценить такое любовное отношение. Покашливая, старуха скользнула назад — мизинцы обеих рук сошлись в перекрестье *знака*. Она почтительно, с достоинством поклонилась изображению на стене: из глазницы черепа лениво ползла нарисованная кобра, отсвечивая крестом на капюшоне. Никто на острове не рисковал спрашивать *мамбо*, сколько ей лет — да она и сама, даже если бы захотела, не смогла ответить на этот вопрос. Вот уже очень долгие годы старуха жила не только без паспорта, но и без фамилии. Люди старались держаться от нее подальше, она платила им взаимностью. Ближайшая к ее *хунфору* деревня терялась среди буйства джунглей: горстка убогих хижин облепила фабрику по производству рома, чьи облезшие стены давно оплели лианы, а цеха сделались пристанищем обезьян. Впрочем, расстояние не имело значения. Не только в этом селении — но в самом Гонаиве старуху знал каждый уличный пес. Ее распознавали издалека: при ходьбе она горбилась, выставляя острые локти, будто что-то несла в ладонях. Женщины при виде *мамбо* закрывали ладонью глаза, мужчины спешили перейти на другую сторону улицы. Пламя свечи колебалось во тьме умирающим огоньком, освещая морщинистое лицо цвета ночи. Пряди седых волос свисали прямо на кружева платья, щеки старухи запали — от голода и усталости. Нижняя губа заметно выдавалась вперед вместе с капелькой застывшей слюны. Прошептав что-то неразборчивое, негритянка очертила вокруг себя круг — ровный, как от циркуля. Огрызок мела упал на землю. Она села к подножию *митана* — «дороги богов», дерево столба гроздьями украшали созвездия треугольников. Скрестив ноги, старуха закрыла глаза. В голове стучали барабаны — сначала робко, еле слышно... затем — настойчивей. Их зловещий рокот то нарастал, то, напротив, отдалялся, превращаясь в мерное гудение.

...Машина. Старый «Бьюик» с безжалостно содранными боками, в смеси ржавчины и блеклой синей краски — он незаметен ночью и не столь соблазнителен для бродячих патрулей: полиция обожает отбирать автомобили «для нужд отечества». Она отлично видит «Бьюик» — каждую вмятину на дверце, облезшие шины... так, словно стоит рядом с этой ржавой рухлядью. За рулем — водитель, местный, из Гонаива, вцепился в руль, аж руки дрожат. А вот на заднем сиденье — белый. Она взялась пальцами за седые виски, качнулась поближе к *митану*. Нет, точно белый. Ха, они здесь редкость. Кто по своей воле поедет на забытый богами остров, где давно съели всех бродячих собак, а самые добрые люди расправляются с врагами, надев им на шею «ожерелье»? Старуха до боли зажмурилась, всматриваясь в черты его лица.

Пожилой, лет за пятьдесят. Морщины. Мягкие волосы с изрядной долей седины. С брюшком, но это нормально в его возрасте. Одет по-клоунски, как и большинство белых в тропическом климате – застиранная красная майка с эмблемой «Кока-колы», бейсболка и полинявшие до рвотной бледности джинсы. «Бьюик», дребезжа, окружил себя облаками мучнистой пыли – он свернул на дорогу из белых камешков. Ох, как должно быть их сейчас трясет. Визитер борется с позывами тошноты в горле: майка прилипла к телу, словно залитая сиропом, на зубах хрустит белесая пыль. Он считает секунды – ждет, пока появится у порога *хунфора*.

Нет никаких сомнений. **Он едет к ней.**

Примерно с пару минут *мамбо* пыталась проникнуть в мысли незнакомца, но это ей не удалось. Какой-то сумбур: нагромождение идей и планов, смерть, разрушение, и нечто сладкое, наподобие пальмового сахара. Нет ничего понятного. Ладно, парень сам расскажет. Ведь очень скоро он будет здесь.

Дверь не скрипнула – ее в *хунфоре* попросту не было. Шагнув из душной ночи в полутемное святилище, незнакомец машинально вытер пот со лба.

– *Комо йе!* – сказал он, обращаясь к старухе, сидящей у *митана*.

– *Па ти маль, мвен контан коннен,* – ответила та и перешла на английский. – Благодарю за показную любезность, но я неплохо владею наречием белых. Пусть это и не твой родной язык... однако он ведом тебе, не так ли?

В голубых глазах незнакомца не отразилось и тени удивления. *Мамбо* видела, как нарисованные змеи на потолке над его головой шевельнулись, раздув капюшоны. Одна из кобр коснулась бейсболки раздвоенным языком.

– No problem, – с интонацией из голливудских фильмов сообщил чужак – к его счастью, он не смотрел вверх. – Меня прислал Люкнер. Мы душевно пообщались в Майами: старик пообещал, что ты поможешь мне... в некоем деликатном аспекте. Ты одна – и больше никто. Он просил передать: часто и с удовольствием вспоминает вашу работу... ту, в подвале Сахарного дворца.

Змеи замерли, вдруг окаменев. Старуха тоже застыла, переведя взгляд на череп в цилиндре. Люкнер... Она вспомнила, что никогда не видела глаз «дядюшки с мешком» – как и положено, их скрывали темные очки. Соратник *доктора* не снимал их даже ночью. Двадцать лет назад Сахарный дворец исчез в пламени. Люкнеру пришлось скрыться, чтобы не надели «ожерелье».

Мамбо осталась в джунглях; к ней боялись не то что прикоснуться – просто приблизиться. Разбуди сейчас любого человека в Гонаиве, и он, обливаясь от страха липким потом, расскажет – КАКИЕ вещи происходят в ее *хунфоре*.

Надо же, что за акцент у этого незнакомца... будто восточный... прибавляет излишнюю мягкость к окончаниям слов... *мамбо* такой еще не слышала.

– Люкнер – *бокор*, – пожевав губами, произнесла старуха. – Он не пришлет сюда абы кого. Я вижу твои мысли, но не вижу цель. С чем ты пришел?

...Сидящий в машине водитель прикурил сигарету без фильтра – на дермати́н сиденья просыпались крошки мятого табака. По лицу ползли капли пота – он так и не собрал в себе остатки смелости, чтобы зайти в *хунфор* вместе с белым. Дверцы «Бьюика» заблокированы, так до него не сразу смогут добраться... **если что.** Плохое место. Ох, нехорошее. Голодные москиты тонко звенели в душной темноте, кокосовые пальмы у святилища вяло помахивали пышными листьями. Белый заплатил щедро – иначе бы он ни за что не приехал сюда. Негр поднес к лицу растопыренные пальцы: они мелко дрожали. Еще в детстве он слышал, что *мамбо* умеет многое – в том числе убивать одним взглядом, на расстоянии высасывать из черепа мозг, а также свободно летать. После наступления темноты (как сейчас, Бон Дье, вот прямо как сейчас!) никому и вовсе не рекомендуется гулять неподалеку от *хунфора*. Велик шанс столкнуться лицом к лицу не только с *мамбо*, но и с е е с л у г а м и. Недаром *хунфор* стоит на отшибе, от

ближайшей деревни к нему – три мили по бездорожью через болото, мимо фабрики. Может, попросту развернуться и уехать? У белого в багажнике чемодан – новенький, кожаный... килограммов на пятьдесят потянет. Вероятно, там доллары: к старухе никто из клиентов не приезжает с пустыми руками. Но если деньги предназначаются *мамбо* – ему не жить. Нет уж, лучше не связываться.

Выслушав гостя, колдунья замолчала. Вытащив из кармана джинсов платок, белый пришелец вытер шею – череп, увитый коброй, казалось, улыбался ему. Интересно, почему старуха находится здесь одна? Куда же делись ее слуги? Он напряг слух, ожидая услышать шум движения, поступь мягких шагов.

Но не услышал ничего.

– Да, я могу это сделать. – Впервые с начала разговора старуха повернулась к нему. – Но ты уверен в финале? Я не могу гарантировать, что из **этого** получится. Расскажу тебе про один случай, в подвале у *доктора*. Там...

Чужак тяжело качнул седой головой.

– Извини, – прервал ее он. – Ты уже сказала главное, остальное – неважно. Я знаю, твои услуги стоят очень дорого, но не для меня. Назови свою цену.

Мамбо уперлась в лицо гостя немигающим взглядом. Белый чувствовал себя курицей на базаре – казалось, она вот-вот проверит рукой его упитанность.

– Ты просишь сделать две вещи. – Из губ старухи клекотом рвался шепот. – Даже для меня они довольно сложные. Их исполнение потребует времени, поиска особых компонентов... за ними нужно отправить человека через океан, в леса Дагомеи. Что возьму я? Взамен, белый, я потребую от тебя лишь одну вещь. Впрочем, многим эта цена кажется излишне высокой...

Назвав стоимость услуги, она с радостью увидела: белая кожа гостя побледнела еще больше. *Мамбо* очень любила производить эффект.

– Почему? – заикаясь, произнес человек в джинсах – его руки бесцельно зашарили по телу. – Назови любую сумму наличными, и я сразу же...

– Меня не интересуют деньги, – лениво зевнула старуха, и он сразу уверился, что торговаться не имеет смысла. – К чему они в джунглях? Все необходимое для жизни у меня есть и так – *доктор* был щедр со мной. Боишься? Я готова ждать: подумай и реши. Согласие на словах – я никогда не подписываю договоров. Ты отдашь прядь своих волос и обрезок ногтя. Вздумаешь нарушить клятву... я найду тебя. Спроси Люкнера: я строго наказываю.

Молчание длилось недолго. Незнакомец полез в карман, где лежал платок. Помедлив, он достал перочинный нож, со звоном выскочило лезвие.

– Мне нечего возразить – я согласен, – улыбнулся он, лелея тайные мысли. – Каждый из нас должен получить то, что хочет. Ладно, держи задаток.

Мгновение – и на розовую ладонь старухи легла прядь волос, черных, с сильной проседью. Со второй просьбой пришлось **ПОВОЗИТЬСЯ**: ногти гостя были ублажены маникюром, но в итоге удалось откромсать кусочек с краешка большого пальца. *Мамбо* расхохоталась: спину незнакомца пронзила дрожь. В смехе ему слышался треск хвоста гремучей змеи.

– Принеси чемодан к *митану*, – скривила рот старуха. – И уходи отсюда – мы увидимся через ночь, в *хунфоре*. Поверь, неискушенным смотреть на мои действия не стоит. Тоже как-то пригласила одного: а он взял и сошел с ума.

Гость закашлялся... **мамбо видит содержимое чемодана в багажнике!** Что ж... надо ли поражаться? Водитель едва согласился подвезти к *хунфору* за тысячу баксов – целое состояние для него... еще бы. Стоит *мамбо* лишь появиться на дальних окраинах Гонаива, а улицы в центре уже пустеют. Люкнер сказал: ведьму здесь страшатся больше, чем когда-то *доктора*.

Ему повезло.

Один Бог знает, как ему повезло.

Забыв попрощаться, он вышел из *хунфора* на негнувшихся ногах. Достал чемодан из багажника и прислонил его к стене снаружи – снова зайти в хижину не рискнул. В машину сел нормально, но, как только выехали на дорогу из белых камешков, нервы сдали. Человек в джинсах потребовал остановиться у придорожного бара: тростниковая халупа, состоящая из рефрижератора и двух колченогих столиков, – хоть негр-водитель и нервничал, тыкая пальцем в сторону костров в Гонаиве. Пиво, конечно, оказалось теплым – холодильник не работал. «Престиж»... чем хреновей страна, тем понтовей название марки. Он высосал бутылку, не чувствуя вкуса. Ладони дрожали, со лба капал пот. Еще сутки. Ему надо перекантоваться целые сутки. Запрется в номере отеля и не выйдет никуда. Отстегнув аптечку, он извлек таблетку от малярии: запил ее пивом, прикончив вторую бутылку до дна. Дрожь не прекращалась. Неужели такое возможно? Неужели ОНА ЭТО СДЕЛАЕТ? Сердце раздирала радость.

В глубине души он знал: да.

Так оно и будет.

...Проводив гостя, *мамбо* повела себя более чем странно. Не обращая внимания на дорожный чемодан у стены, она вышла из *хунфора* и вскоре вернулась обратно – крепко держа в руках черного петуха со спутанными бечевкой лапами. Отвинтив крышку от бутылки рома «Барбанкур», старуха сделала большой глоток: горло обожгло огнем. Напиток придал ей сил. Держа мел щепотью, *мамбо* чертила вокруг *митана* круг за кругом, быстрыми набросками рисуя рыб, птиц и звезды – между ними органично вплетались туловища змей, с кругляшами крохотных черепов. Подушечки черных пальцев побелели; она кашляла, вдыхая пыльцу от рассыпанной муки. Дорисовав, старуха встала у ярко-красного барабана – верх был обтянут кожей, на ней сохранились чьи-то татуировки. Выдохнула горячий воздух, выбивая дробь сильных ударов: раз за разом, они перешли в мерный рокот, не так давно звучавший у нее в голове. *Мамбо* раскачивалась под ритм – плавуче, как кобра под дудочку факира, не забывая прикладываться к бутылке с ромом. Змеи на потолке заново ожили, сплетаясь и роняя яд, глаза черепа в цилиндре открылись – они испустили лучи зеленоватого света.

[illegible]

Она открыла глаза, и зрачков не было видно: только тьма, глубокая и беспросветная – словно на дне океанской впадины. Сжав жесткими пальцами трепещущего петуха, *мамбо* одним движением откусила ему голову – и сплюнула ее в меловой круг. Черную кожу оросили алые капельки. Ноги птицы дергались, она суматошно хлопала крыльями. Продолжая петь на одной ноте, раскачиваясь из стороны в сторону, старуха быстро ощипывала тушку, размазывая по губам теплую кровь – вкус плавил мозг, не уступая рому. Перья кружились у *митана* вихрем; сцедив кровь, *мамбо* ногтями содрала с ощипанного петуха кожу, тушка повисла на крюке в центре столба: барон принимал жертву только тогда, когда она освобождена от оболочки. Женщина упала на пол. Извиваясь и шипя, она поползла по рисункам змей, крутясь в диком танце, стирая линии черепов – старуха ощущала, как в животе разом закопошились десятки *лоа*. Ром... еще рома и крови... смешать их вместе... **ЕЕ ТЕЛО СЖИГАЕТ УЖАСНАЯ ЖАЖДА.** Насытившись, она обвила руками *митан*. Повисшие флаги дрогнули. Один раз. Второй. Третий. Из рта *мамбо* потекла кровь. **Череп в цилиндре отделился от стены и двинулся к ней...** Сухощавый господин с тросточкой, зеленым сиянием из глаз, смертельно бледный – как ему и положено быть...

Ослепленная трансом *мамбо* не видела: у порога из предрассветной тьмы появились тени. Некоторое время они стояли перед входом, будто не решаясь войти. Наконец первая тень сделала шаг вперед – тихо и медленно качаясь.

...У нее не было головы.

Так же, как и у всех остальных.

Глава первая Монастырь (Ровно через годъ, Псковская губернія)

Отцу Иакинфу ужасно хотелось процитировать Старый Завет. Честное слово, он бы так и сделал – но опасался банальности. «Разверзлись хляби небесные» – это и без него уже сказали все, кому не лень. А что поделаешь – с самого вечера дождь зарядил как из ведра: хлещет, ни один зонт не спасает. Искоса поглядывая на спутницу, монах мысленно клял себя за слабость мыслей. Эх, точно бесы (прости, прости, Господи!) ее к ним в обитель на ночь глядя принесли. Ай-ай, проездом один день, хочет помолиться на могиле. Дело-то, конечно, благое (как и любая молитва), да только Святогорский монастырь – он мужской, и видеть слабый пол братии заказано уставом. Стоит сюда единой ножкой заступить красотке, и пиши пропало: начнутся в кельях разговоры всякие – а там, глядишь, дойдет до видео девок срамных, чьи картинки принес в бесовском смартфоне послушник Петенька... и клялся, подлец, Христовым именем – мол, на дороге у обители нашел! Вот и приходится – будто тать, избегая иночих глаз, под покровом ночи вести девицу к обелиску. Застанут их вместе, то-то будет Содом и Гоморра: слава Создателю, что братия десятый сон видит, да и дождь стеной, гроза... никто не прослышит, как-никак, полночь на дворе. Открыл ворота, чтобы впустить гостью, да так незапертыми их и оставил: нечего засовами греметь лишний раз, шум на всю округу. Пять минут туда, пять минут обратно, помолится, мобилкой склеп сфотографирует – и вся недолга. Сохраняя суровый вид, рослый монах украдкой посматривал на свою спутницу. Одета прилично, без всяких этих мини: черная юбка ниже колен, завернута в фиолетовый плащ, строгие роговые очки – волосы белые, как солома, убраны в пучок. Оххохоооооо... если бы не звонок старого приятеля, с коим не виделись с гимназии, Иакинф в жизни за это бы не взялся. Но отказать другу неудобно, обидится. Монах поднял зонт, охраняя гостью от барабанищих капель. Его ряса безнадежно насквозь промокла.

– Осторожнее, барышня, – сказал он. – Плиты у нас дюже скользкие-с. Намедни сам министр двора, граф Шкуро, приезжал, так конфуз вышел. Стал его сиятельство венки возлагать, да прямо с венком в лужу и повернулся.

– Спасибо, – девушка ответила с нотками хрипотцы: так, словно у нее начиналась ангина. – Со мной такого не случится, батюшка. Я не на каблуках.

О, вот что верно – то верно. Не туфли на ее ногах, а просто танки. Эдакие приспособления, вроде солдатских ботинок на платформе. Лицо землистое, как после долгой бессонницы, но с ярким румянцем – думается, не меньше полфунта коньяку вечером приняла. А уж грудь-то выпирает под плащом... тьфу ты, прости меня, Господи Вседержитель! Нет, неспроста на Афонскую гору женщин не пускают¹. У каждой в лифчике Сатана засел.

Они остановились напротив могилы: маленькое захоронение, огорожено черными металлическими прутьями. Поверхность еле просматривается за огромным количеством цветов – посреди этой «клумбы» высится белый обелиск с круглой выемкой, внутри крест. Зашумело листьями дерево, насквозь простеганное дождем, остро сверкнула молния. Отец Иакинф включил карманный фонарик. Вопреки ожиданию монаха, девица не свалилась на колени, заломив руки... да и вообще рассматривала могилу со скучным видом. Мобилку с фотокамерой – и ту не достала.

¹ Сообщество из двадцати православных монастырей в Греции, имеет статус «самоуправления». Согласно законам горы Афон, доступ туда женщинам строго воспрещается, а нарушительниц ждет тюрьма (!).

– Это и есть родовая усыпальница? – спросила она тоном пресыщенной туристки в османском олл-инклюзиве. – Не ожидала, что так скромно...

Улыбка отца Иакинфа затерялась в мокрой бороде. Ну да, само собой. Каждый ожидает, что должен быть трапезундский гранит, финиковые пальмы, шелковый балдахин и саркофаг из чистого золота. Они в Белокаменной мыслить иначе не умеют. Знаменитость, так похороны обязаны организовать клевые, и гроб от Юдашкина, иначе публика не поймет. Телеведущую Машеньку Колчак из реалити-шоу «Завалинка» во время похорон восемь раз зарывали, чтобы пресса успела хорошие кадры сделать. Потом на обложке Vogue гроб появился – все обзавидовались.

– Да, барышня, – подтвердил монах. – Село, где их род жил, тоже неподалеку. А скромно, ну так что ж, тогдашние дворяне слабо понимали, что такое понты, гламур и стразы от Версаче. В розовый цвет кресты не красили.

...Девушка не ответила на издевку, опустившись на корточки, она ощупывала бутоны роз на могиле. Перетерла между пальцев влажную землю, испачкав ногти: она мяла ее, словно тесто – с каким-то непонятным чувством, вроде благоговения. Поднялась. На «танках» обошла обелиск вокруг – быстро промокла, холодные струи воды залили тело с головы до ног. Фиолетовый плащ прилип к груди, трансформировав строгую паломницу в актрису эротического кино. Не обращая внимания на монаха, она стукнула по стелле кулачком. Отец Иакинф нахмурился. Фанатки, безусловно, чокнутый народ. Но за эту поручился Анатолий... Неужели девчонка так заморочила ему голову, что тот исполняет любую прихоть сумасбродной вертихвостки? Поддернув рукав рясы, монах взглянул на часы.

– Сударыня... – нерешительно сказал он. – Простите, времени так мало...

Она стояла, поглаживая обелиск. В темных глазах отражалось что-то странное: любопытство, серьезность – и неясное, глухое возбуждение.

Монах тронул ее за локоть – проскочила искра. Девушка вздрогнула.

– Ах, да-да, батюшка, – проговорила она тем же простуженным голосом. – Конечно, мне уже пора. Плохая погода для фотографий. Покажете выход?

Отец Иакинф возрадовался: соблазн в плаще покидает монастырь. Зонт снес порыв ветра – отвернувшись, он еле удержал рукоять двумя руками.

В этот момент гостя накинула ему на шею удавку.

Сорокалетний монах не страдал отсутствием силы или веса. Он был в замешательстве лишь пару секунд – тут же схватился за петлю, пытаясь оттянуть ее от горла. Безуспешно. Испачканные в земле девичьи пальцы оказались ледяными и железными. С ловкостью кошки девушка вспрыгнула ему на спину, обхватывая поясицу ногами. Заваливаясь назад, она стянула узел на шее – в глазах у отца Иакинфа потемнело. Презрев приличия, он с размаху ударил девушку затылком в лицо, однако та на редкость профессионально уклонилась. Монах упал на колени – он хрипел тяжело, как бык. Намотав на правую руку удавку (так, что проволока врезалась в запястье) б а р ы ш н я схватила монаха за подбородок и резко дернула.

Шумящий дождь растворил в себе стон.

Выбравшись из-под грузного тела, девушка подняла с каменной плиты фонарик. Стекло было разбито, но он еще работал. Яркий луч уперся в обелиск – шевеля губами, она заново прочла выбитые на нем буквы. Все правильно. Пятно света опустилось вниз – стал виден труп, лежащий под ее ногами: глядя в мертвое лицо монаха, б а р ы ш н я боролась с серьезным **искушением**. Укусив себя за палец, она отвела фонарь в сторону – свет заплесал на каменных плитах. Не сейчас. Следует дожидаться утра, много работы. Луч фонаря метнулся к деревьям, она просигналила – два раза, потом два, потом четыре. Из травы безмолвно поднялись фигуры, одетые в брезентовые дождевики: с капюшонов потоками струилась вода. В руках у двоих были лопаты, у одного – отбойный молоток «Бош», самая последняя модель, вместе с зарядным

устройством и компрессором. Прогремел сильный раскат грома: злую тьму неба расчертил пучок тончайших молний.

– Приступайте, господа. Работайте спокойно – я постою на охране.

Отвернув полу плаща, она показала автомат Федорова – «спецназовскую» версию, подвешенную к поясу: глушитель на стволе, лазерный прицел, рожок на двадцать пуль. Перепрыгнув через ограду, люди в брезентовых плащах подошли вплотную к обелиску. Дождь усиливался, его звук походил на рев. Отойдя в сторону, девушка внимательно прислушалась. Нет, совсем ничего – кроме падения капель. Все двадцать восемь монахов мирно спят в своих узких кельях.

...На раскопки ушло меньше, чем она планировала. Ливень не помешал. Уже через полтора часа землекопы переложили содержимое гроба в объемистый атташе-кейс – и все четыре силуэта исчезли за воротами Святогорского монастыря. Автомобиль девушки – подержанный белый «Пракар-Империя» – был оставлен на пустоши, неподалеку от Святогорья... Соратники достигли этого места минут за двадцать, передвигаясь быстрым шагом. Остановились, переводя дух. Только дамочка, как казалось всем, совершенно не устала.

– Деньги, – отрывисто произнесла одна из фигур.

Девушка брезгливо дернула уголком рта. Дождь смыл косметику и грязь с ее лица – оно было бледно, под глазами залегли тени, как бывает после долгого недосыпа. Не получив от нее ответа, второй землекоп достал пистолет: передернув затвор, направил дуло заказчице в лоб. Та не шевельнулась.

– Только без фокусов, – сказал он, демонстрируя знание американских фильмов из местного видеопроката. – Дайте-ка сюда ваш автомат.

Девушка отстегнула оружие; она повесила ремень ему на локоть, словно сдавала зонтик в гардероб. Землекоп (приземистый усач) проверил наличие патрона в стволе. Вытащив из гнезда рожок, он отшвырнул его в грязь.

– Садитесь в машину, – отчеканил усач. – Фраера, братву кинуть вздумали? Если не заплатите – возьмем в заложники, пока не объявится ваш *связной*.

Б а р ы ш н я влезла на заднее сиденье: с двух сторон ее стиснули два землекопа. Третий устроился в кресле водителя, ощерив в ухмылке рот.

– Как договаривались, – буркнул он и протянул ладонь, черную от грязи.

Оба зрочка девушки вспыхнули холодным огнем.

– Конечно, – шепнула б а р ыш н я.

...Если бы кто-то в этот момент наблюдал «Пракар» со стороны, ему показалось бы, что машина танцует: разухабисто качаясь влево и вправо, трясется и прогибается. Вдребезги разлетелось лобовое стекло, метнулся фонтан красных брызг – наружу провисла волосатая рука. «Танец» машины длился не более двух минут, вскоре все смолкло. Покинув автомобиль, девушка заботливо захлопнула дверцу: дождь смыл кровь с ее лица, расплываясь на коже розовыми струйками. Вслепую поискала в грязи автомат – подцепила за ремень, рожок с щелчком встал на место. Багажник открылся – две канистры с бензином легли на заднее сиденье. Окинув взглядом три неподвижных тела, скрючившихся в салоне «Пракара», б а р ыш н я вскинула автомат. Короткая очередь подбросила автомобиль вверх в оранжевом шаре взрыва – трупы землекопов разорвало в клочья, остов машины треснул среди языков пламени. Удаляясь в сторону леса, девушка крепко держала в белой руке атташе-кейс, пахнувший землей.

...У развороченной могилы, рядом с обелиском, на вянущих лепестках цветов лежал мертвый монах. Его глаза были полны дождевой воды.

элементы империи

Элемент № 1 – Жертва Жирафа

– Здравствуйте, господа. Викентьев, ты корчишь рожи классной даме? Удивительно, как тебя еще не выгнали из гимназии. Видимо, это скоро произойдет. Пойдешь работать к большевикам – уличным комиссаром.

– *(Смущенно.)* Прошу прощения, Эльвира Ксенофонтовна.

– То-то, милостивый государь. Итак, господа, тема урока – История Российской империи. Кто готов отвечать первым, спрошу я вас?

(Настороженное молчание в классе. Слышно летящую муху.)

– Так я и думала. Хорошо, тогда я выберу сама. Кильсенский!

(Облегченный вздох десятков глоток и один еле слышимый стон.)

– Слушаю, мадам.

– Я мадемуазель. Значит, так, уважаемый сударь, поведай-ка мне про события 1917 года и их последующее влияние на структуру империи.

– *(Звонким голосом.)* 3 апреля 1917 года Ленин, выступая на Финляндском вокзале, упал с броневика и сломал себе шею. Движение большевиков без лидера пришло в упадок: к руководству в РСДРП(б) пришли те, кто занимался экспроприацией – проще говоря, грабил банки. Партия разложилась, составив костяк преступности, во главе первой мафиозной семьи встал дон Сталин. 25 августа, в ходе Счастливой Революции, генерал Лавр Корнилов сверг нечестивое Временное правительство и восстановил на престоле Его Величество, славного Государя Императора.

(Злобный шепот с «галерки»: «Ни фиги себе вызубрил! Ботан, тоже мне!»)

– *(Благосклонным тоном.)* Правильно, сударь. И что же дальше?

– Государь Император, исполненный благодарности, назначил своим наследником Лавра Корнилова. Но тот, движимый скромностью, передал права на корону любимому в народе певцу – Федору Шаляпину. Столицу перенесли в Москву, как колыбель русской монархии. В 1927 году Государя задавило на охоте в Намибии упавшим жирафом, и на трон сел кроткий царь Федор. После его смерти наступил период ужасных смут.

– И как ты думаешь, почему это было?

(Шепот в классе: «Во валил парня старушениця!»)

– Порядок престолонаследия был нарушен-с. Власть захватывали группировки дворцовых офицеров – например, Тарас Поповских и Илья Волкобоев. Вследствие смут от империи отложились Кавказ, Польша, Финляндия, Малороссия и другие. Наконец, после видения ему в спальне Иисуса Христа, в 1999 году император Николай III Борисович выбрал в преемники нынешнего Государя. Смуты разом закончились, наступила радость всеблагая да счастье народное – за что не устаем Бога молить.

(Полное, в некоторой степени трусливое молчание в классе.)

– Молодец, Кильсенский. Ты почти получил заслуженную пятерку. Так что сыграло роль в возрождении национального духа в нашей империи?

– (*Набрав воздуха в легкие.*) Установка древнеримского стиля правления. В 2008 году Государь выбрал себе в соправители своего лейб-пасечника и торжественно поделил с ним власть, дабы показать близость к народу.

– Отлично. И последний вопрос. Каков базовый принцип монархии?

– Все цари, которые были до тебя: недостойные, глупые, жадные и мелочные существа. Только ты – великий и достойный царь, которого нужно восхвалять за заботу о народе и неустанно радоваться твоему блестящему правлению. Кто против – они тебе элементарно завидуют.

– (*Со слезами в голосе.*) Ты знаешь нашу историю. Храни тебя Господь!

Глава вторая

Виртсекс

(Москва, переулокъ Героевъ-корниловцевъ)

Пахнувшие табаком пальцы пробежались по запыленной клавиатуре.

«Скажи, а что на тебе сейчас надето... типа красное белье или эдакий шикарный корсет, просвечивающий во всех местах?» – печатая эту фразу, надворный советник Федор Каледин высунул кончик языка – разумеется, чисто случайно. Поставив знак вопроса, он придавил клавишу Enter.

Тарахтящий ноутбук-трехлетка тускло мигнул экраном, выдав «полоску»: «Golden Foxy получил (а) ваше сообщение». Наблюдая за движущейся картинкой, Каледин плотоядно облизнулся. Не глядя, он на ощупь затушил сигарету в чугунной пепельнице, и без того полной свежих «бычков».

«На мне вообще ничего не надето, – возник ответ. – Я абсолютно голая».

«О... вот кто бы сомневался», – злобно подумал Каледин.

Он вновь забарабанил по расшатанным кнопкам ноутбука.

«И что ты сейчас хочешь от меня?» – спросил Федор, затаив дыхание.

«Нуууу, – вспыхнули на мониторе буквы. – Вариантов миллион. Я обалденно темпераментная девушка – и, между прочим, имею княжеский титул. Не вылезаю с балов от государя... у меня пятый размер груди».

Каледин насквозь прокусил фильтр новой сигареты.

«А какой именно груди? – напечатал он. – Правой или левой?»

Следующее сообщение пришло не сразу.

«Ты до странности одну тварь напоминаешь, – с тревогой откликнулась Golden Foxy. – Опиши, кисуль, свою внешность. Я должна представлять того, кому сейчас отдамся, как нимфа фавну. Аххххх, я попросту вся горю».

Почесав затылок, Каледин посмотрел в зеркало на стене. Стекло, покрытое сантиметровым слоем пыли, украшал орнамент из высохших тараканов и комаров. Протереть его надворный советник собирался уже полгода, но как всегда прелесть лени нокаутом сокрушала здравый смысл. К чему? Он и без этого знал, что увидит: стриженного ежиком блондина среднего роста, лет примерно тридцати двух, в семейных трусах черного цвета. Худое лицо чуть-чуть портила горбинка на носу, на правой стороне груди розовел шрам. Блондин восседал на коже офисного кресла (через спинку перекинута футболка с логотипом «Раммштайн»), располагаясь за древним столом, чей возраст затруднился бы определить даже опытный антиквар. Кроме стола, в крохотной комнатухе (метров десять) теснились продавленная односпальная кровать (подарок кого-то из жалостливых сослуживцев) с несвежими простынями, пара табуреток и холодильник марки «Бояринь», до отказа набитый пивом. Обои ввиду грязи приняли цвет чернозема: они свисали клочьями, приоткрывая штукатурку. Трухлявый паркет покорно лежал под ногами, но эта покорность была обманчива – при малейшем нажатии он верещал, как блондинка в порнофильме. Новым в комнате был только абажур для лампы с потолка: в общем бардаке он смотрелся герцогиней, отдающей извозчику на заднем дворе трактира.

«Лишний вопрос, – агрессивно клацнул клавишами Каледин. – Я, солнце мое, просто охренеть какой. Симпатяга, играющий мускулами, с сексуальной щетиной, кудрявыми волосами до пояса, благоухающий ароматом от «Баленсиаги». Разговариваю я с тобой через вай-фай со своей трехэтажной виллы... на острове *(он быстро глянул рекламу сайта imperia-travel)* Бали – лежу-с на огромной кровати под балдахином, с гнутыми ножками... мне подают ледя-

ной коктейль, а ветер с пляжа обдувает меня прекрасной прохладой. Кстати, еще немножко о себе – **примерно 25 сантиметров»**.

«ВАУ!!! – сообщение пришло заглавными буквами. – Ух, как я всегда мечтала об этом, чтобы... чтобы вот... чтобы прям 25 сантиметров. А то мой бывший муж, знаешь... мало того, что урод – так у него даже пяти не было».

«Да неужели?» – дрожащими от злости пальцами отпечатал Каледин.

Ответ засветился множеством смайликов.

«Еще бы, – сидя где-то в центре города, молотила по клавиатуре Golden Foxu. – И к чему говорить об этом ничтожестве? Ты возбудил меня, мой островной тигр, – я хочу групповуху. Там рядом с тобой случайно нет сантехника Петровича? Пусть зайдет, в спецовке на голое тело, и скажет...»

Каледин напечатал пару фраз. Подумал и стер их: цензурных слов эти фразы не содержали. Покойная маман объясняла ему с отрочества, что ругать женщину матом недостойно дворянина.

«Смотря какую женщину, мама, – мысленно ответил ей Каледин. – Эта мертвого из себя выведет».

Баннер на сайте замигал рекламой: «Горячие пажи для состоятельных купчих. Юноши из благородных семей – 100 евро в час». Каледин хмыкнул. С тех пор как личное дворянство в империи стали присваивать после окончания техникума, пажей развелось как собак нерезаных. Телевизор надворный советник не включал давно: по «ящику» показывали визит *старшего* и *младшего* императоров (цезаря и августа) в провинцию, трансляцию съезда правящей партии «Царь-батюшка», богослужения и ситком-сериалы с закадровым смехом в стиле «Камергерских дочек».

«Какой, к свиньям, сантехник? – вцепился в клавиши Каледин. – Ты их вживую видела? Деревенщина в телогрейке плюс водочное амбре. Я сам разочарован, но знаешь – порнуха отличается от реальности. Вчера пиццу заказал – так приехала не фрейлина в стрингах, а дедок на мотоцикле».

Компьютер зажужжал, словно сочувствуя надворному советнику.

«Слушай, тебе-то что? – нервно ответила Golden Foxu. – Я в Интернет зашла после работы, испытать виртуальный оргазм. Могу я чуточку пофантазировать, открыть тайные желания аристократки, задавленной дворцовыми условностями? Так нет, и в эротическом чате мораль читают. Я голая. Я умираю от желания. Хочу безумств, шампанского и групповухи».

Каледин вздохнул. Фильтр второй сигареты упокоился среди «бычков».

«Алиса, ты блядь», – напечатал он с философской грустью.

Golden Foxu вывалилась из сети, но, как выяснилось, ненадолго.

«Каледин... – появилась надпись. – Сволочь – это ты?»

«Разумеется, – нащелкал кучу смайликов Каледин. – А кто ж еще?»

«Офигеть можно!!! – вырвалась на монитор гневная фраза. – Значит, вила в тропиках? Кудрявые волосы? 25 сантиметров? Какая же ты скотина!!!»

«Пятый размер? – не сдавался Каледин. – Титул княгини? Балы у государя? Гольшом у монитора? Я же отлично вижу на тебе старый халат и бигуди. Вот действительно: этот вариант сможет возбудить разве что сантехника».

Ухмыльнувшись, он переждал новую паузу собеседницы.

«Mein Gott, – прилетел на экран тревожный ответ. – Моя квартира опутана шпионской техникой? Мертвец. Завтра пошлю е-мэйл твоему начальству!»

«Дура, – стоически отозвался Каледин. – Ты же опять вебкамеру не отключила. Завтра на youtube вся империя будет этой записью любоваться. Аaaa, вот она, баронесса фон Трахтен-

берг: фурия, что поймала серийного убийцу по кличке Ксерокс². И какой-нить безусый юзер из юнkerов обязательно оставит коммент: «Очень ниплоха, но тема сисег не раскрыта».

Видео Алисы в мониторе Каледина, вспыхнув, исчезло. Зато зазвонил сотовый: на дисплее появилось изображение красного чёртика с вилами.

– Федор, – голос Алисы хрустел, как сухарь, – официально заявляю: прекрати «пасти» меня в чатах. И незачем вызывать моих кавалеров на дуэль. Кто штабс-капитана Барятинского на поединке проткнул? Мне пришлось к нему в больницу с апельсинами ездить. Ты всю личную жизнь мою угробил. Только начинаю на дворянской party глазки строить – мужики в восторге. Но едва представляюсь – «Алиса фон Трахтенберг», так бледнеют, и сваливают.

– Я тебя по делу разыскиваю, – ушел от вопроса Каледин. – Полчаса назад из департамента полиции позвонил директор Муравьев. Весь на нервах. Просил срочно тебя найти: им до зарезу необходим психолог-криминалист из центра Сеславинского. Набираю твой номер, так ты, змея, мобилу не берешь, упиваешься своей крутизной – воображаешь, что я тут помираю без тебя.

– А что? – напрямую спросила Алиса. – Неужели не помираешь?

Если надворный советник и колебался, то примерно долю секунды.

– Некогда, – пресыщенным голосом сказал он. – Возле моего офиса открыли новое отделение Института благородных девиц. А что им нужно-то, этим семнадцатилетним фрейлинам? Только секс, секс и секс. В постель сразу по пять человек прыгают... плетки, наручники, дилдо. Оргии такие организуются... жаль, что Калигула мертв – точно сдох бы от зависти.

Алиса молчала. Каледин переменял тему, быстро, как умел всегда.

– Так вот, – сказал он, не меняя интонации. – Не дозвонился по мобильному, домашнему – а начальство-то на воротнике висит. Пришлось искать тебя в чате. Где ж еще ты можешь торчать ночью, княгиня с пятым размером...

Из динамика не раздалось ни звука.

– Федя... – выдавила она из себя, когда озадаченный Каледин начал трясти телефон. – Только не рви мне сердце... это опять серийный убийца?

– Ох, если бы, – вздохнул Каледин. – Дело обстоит гораздо хуже. Одевайся, поедem в МВД. За вызов в ночное время контора платит в двойном размере.

– Хорошо, – мгновенно согласилась Алиса. – Заезжай за мной.

– Нетушки, – выдохнул дым Каледин. – Тебе придется меня подобрать.

Трубка застонала, смешав зубовой скрежет и непонятный треск.

– Да чтобы я... – задохнулась от ярости Алиса... – Ни за что на свете...

– А придется, – грустно сообщил Каледин. – Ты же у меня машину забрала, когда мы разъехались. Так что давай – заводи тачку, и вперед. Я жду.

...Выслушав серию эпитетов в адрес своей личности, обвинения в сексуальной немоци и горячее пожелание сдохнуть уже завтра, Каледин издал губами чмокающий звук и положил трубку на стол. Подвинув к себе компьютер, он вернулся к сайту Святогорского монастыря и *кликнул* на одну из фотографий. Нечеткий снимок изображал могильный обелиск, окруженный черными прутьями ограды. Не почерпнув ровно ничего из разглядывания, Каледин перешел в «Википедию» – в поисковой строке отпечаталось слово из шести букв. Он читал до тех пор, пока за окном не раздался автомобильный сигнал, больше похожий на крик. Натянув форменные брюки, футболку «Раммштайн» и казенный вицмундир полицейского ведомства, надворный советник опрометью выбежал из квартиры.

...Забывший ноутбук остался на столе, грустно мигая зелеными огоньками.

² Имеются в виду события, произошедшие в книге «Печать Луны».

Глава третья

Elena Chervinskaya

(Псковъ, набережная реки Велікой)

Капучино в маленькой чашке остыл – девушка пила его крохотными глотками, абсолютно не чувствуя вкуса. Она сама не знала, зачем это делает. Скорее всего, по инерции – по утрам положено пить кофе, вот она его и пьет. Соломенные волосы после дождя стали пышнее: но были все также аккуратно убраны в пучок, как во время ночного визита в монастырь. Сидя за столиком на пустынной набережной, она прозрачными глазами смотрела на толстые башни Псковского крома. В воздухе безвкусно таяли сумерки, купола Троицкого собора окрасились в предрассветный розовый цвет. Жара высушила лужи на асфальте, от ночной грозы и ливня не осталось следов.

Хозяин бистро «24 часа» – худой, утомленный бизнесом кавказец, наблюдал за одинокой посетительницей, поглощавшей третью подряд чашку отвратного «Нестле». Наверное, туристка или паломница. Приезжают ночным поездом, на гостиницу денег жалко: вот и сидят за кофе – ждут, пока откроют вход в достопримечательность. Пялится то на кром, то в телевизор с новостями МТВ. Ха, они называют это новости... каждый день одно и то же!

– Спонсор выпуска – партия «Царь-батюшка», – ведущий напоминал своим видом человека, утонувшего в энергетическом напитке. – Йоууууу, жесь! Основные события. «Трагедия века». Правнучка известного бунтаря, 90-летняя певица Стелла Пугачева в двухсотый раз объявила об уходе со сцены и едет в прощальный гастрольный тур – в инвалидном кресле из сандалового дерева. «Жертва алкоголя». Бородатый самородок из крестьян, основатель группы «Петербург» Алексей Шнурков протрезвел впервые за двадцать лет и сразу очутился в психушке. Он утверждает, что у него в мыслях не было становиться звездой – просто вышел на улицу «бухнуть с мастеровыми», очухался уже на сцене. Под занавес – «Гибель таланта». Певицу Катю Шмель съели акулы на процедурах дайвинга в Красном море – человек десять продюсеров, потерявших на ней все свои деньги, вздохнули свободно.

Началась реклама. Хозяин моргнул, оценивая девушку. Пары минут хватило, чтобы отбросить мысль о флирте. В глазах сплошной лед. Лицо тусклое, нос острый, как у цапли – щеки запали, небось на диете сидит. Нет, такую кадрить – только зря время тратить, вах-вах. Определенно истеричка.

...Девушка заерзала на стуле. Она извелась, дожидаясь sms с заданием. Вот-вот, время уже почти пришло. Ей было скучно: с того момента, как она приехала в Псков, блондинка в плаще не знала, чем себя занять. Спать не хотелось, кушать тоже. Скверный кофе в пищеводе казался инородным телом, проникшим в организм: он скручивался в желудке, пытаясь вырваться из живота наружу. Радовало лишь предвкушение грядущей р а б о т ы. О, р а б о т а была ее главной любовью, основой существования, питающей энергию и мысли. Любая подруга залилась бы хохотом, узнав, что она работает бесплатно. Но, к счастью, у нее нет никаких подруг. Она получает заказ и выполняет его – для выполнения допустимы все возможные методы. Да, *связной* не требует работать стерильно... и это то, что ей в нем очень нравится. Как во второй части фильма «Терминатор»: «Знаешь, нельзя просто так убивать людей!» – «Почему?!» И верно, почему? Так намного проще. Она просчитывает грядущую опасность, как компьютер. Монах мог дать подробное описание ее внешности – а землекопы, пропивая шальной заработок в трактире, привлечь любопытство полицейских осведомителей.

Отчего же, интересно, *связной* не торопится?

«Айфон», покоясь в руке, издал тихий писк. Повернув дисплей, она увидела сообщение. «Георгиевская улица, домъ № 16. Турфирма «Суперъ-тревелъ». Ну наконец-то. *Связной* всегда

общался через эсэмэски, он никогда не звонил напрямую. Очередное sms в коробке «айфона», и вот она чувствует его – как удар током, пронизывающий тело. Ничто другое в этом мире не вызовет такой реакции: восторг, смешанный с чувством подчинения – между ними есть реальная связь. Астрал или вроде того... хрен его знает, как именно это следует называть. Прошрое sms содержало инструкцию, что надо взять в Святогорском монастыре и кому затем передать ящик. Она не удержалась, заглянула внутрь. И что же? Да ничего особенного... неясно, какой сюрприз она ожидала увидеть. Неземное свечение? Узоры из благоухающих цветов? Напрасно. После смерти и златоглавых гениев ждет могильный тлен...

Она вздрогнула от неприятной мысли. Что ж, за кофе заплачено, пора бежать.

Выйдя из кафе на дорогу, девушка махнула рукой – взвизгнув тормозами, остановилось раздолбанное «шахид-такси» с персидским гастарбайтером.

– Кюда, кырасависа?

– Георгиевская. Быстро.

Не торгуясь, перс согласился на первую же цену – туристов мало, в кризис выбирать не приходится. Лавируя в переулках, шофер вывел машину на нужную улицу – пробок нету, в такую-то рань. Швырнув на сиденье бумажный червонец с портретом Шаляпина, девушка подошла к дубовой двери с красной вывеской, стилизованной под древнеславянские буквы: «Суперъ-тревель». Перс дальновидно остался стоять на другой стороне улицы: зачем терять клиента – а ну как она поедет обратно? Это ее покорило, но времени на раздумья не осталось. Палец уперся в кнопку звонка. Прозвучала птичья трель, но внутри дома не наблюдалось признаков оживления. Где-то в груди начало расти чувство, напоминающее панику. Может, связанной ошибся? Точное время в sms не указано. Все еще спят – откуда ж в губернском городе круглосуточное турагентство? Она пришла слишком рано. Надо сесть на ступеньки и спокойно подождать открытия.

Тонкий, холодный звук зуммера.

Не веря своему счастью, она сомкнула пальцы вокруг дверной ручки. Нутро подъезда пустило ее беззвучно, обдав смесью затхлых, странно знакомых запахов – доминировала лежащая пыль. Стрелка на стене указывала на второй этаж. Пробравшись наверх (она двигалась, опираясь на стену боком, словно боясь упасть), девушка оказалась перед дежурным пунктом – простой офисный столик за стеклянной стеной. Тараща на нее заспанные глаза, в креслице сидел одетый в форменную тужурку секьюрити мальчик-гимназист – вероятно, подрабатывает по ночам. Толстые щеки, короткая стрижка, ногти на руках обкусаны – наверняка маменькин любимчик, каковых закармливают сладостями до полусмерти. Она склонила голову набок, раздумывая: что с ним делать? Для профилактики хорошо бы убить – парень видел ее лицо.

– Елена Червинская? – строго переспросил гимназист. Он смотрел на гостью, как бы ища подвоха, того, который помешает ему отличиться по службе.

Девушке было незнакомо это имя, но она механически кивнула. Толстяк в креслице расслабился: в пальцах с заусенцами блеснул ключ. Он отпер ящик стола и захрустел плотным конвертом из глянцевого бумажки с печатью.

– Сударыня, мне поручено отдать это вам, – вежливо сказал гимназист. – Объяснили, что вы придете под утро. Расписываться не надо, платить тоже. Заказчик внес деньги, включая спецдоставку. Желаю приятного путешествия.

Он улыбнулся детской, еще не ставшей казенной улыбкой. Окошко открылось, конверт упал ей в руки, на ощупь он был гладкий, как после депиляции. Девушка, ставшая Еленой Червинской, посмотрела сквозь стекло.

– Вы знаете, что в конверте? – спросила она с учительской сухостью.

– Нет, – ответил гимназист. Улыбка покинула его лицо, губы обидчиво дрогнули.

Хорошо, пусть живет. Ее фамилия поддельная, по ней все равно не найдут. А мальчишка слишком крупный – и крови на этаже будет много.

– Отлично, – улыбнулась Червинская. – Вам только что здорово повезло.

...Зажав в пальцах конверт, она вышла на улицу. Дрожа от нетерпения, сломала печать из красного сургуча. Паспорт с ее фотографией, латинскими буквами в графе «Name» – Elena Chervinskaya. Круглые печати МИД, подпись чиновника Службы проверки благонадежности – подтверждение выезда за границу. Ваучер с водяными знаками – оплата трехзвездочного отеля «Де Альма» в Латинском квартале Парижа (зарезервирована одна ночь), электронные билеты «Эйр Франс» в столицу Франции. Рейс сегодня – в 12.00. Двадцать пятисотенных бумажек – десять тысяч евро – хрустят, словно только что из-под печатного пресса. Девушка перевернула конверт вверх ногами и потрясла – упаковка была пуста. Что ж, *связной* в своем репертуаре: он никогда не раскрывает задание целиком. Зачем она летит в Париж, ей суждено узнать на месте – получив очередное анонимное sms.

От Пскова до Питера примерно 250 верст, нужно торопиться. Согнув пальчик, она пома-нила перса за рулем «шахид-такси» – тот обрадованно встрепенулся, зарычал мотором. Червинская села на заднее сиденье. Откинувшись, она нащупала в кармане удавку. Небритые щеки перса в зеркале дрожали – парень явно предвкушал хороший заработок.

...Это не гимназист с нервной мамочкой. Его даже искать не будут.

элементы империи

Элемент № 2 – Секретное Досье

«275 67 45 (б). Гриф «секретно», доступ не ниже министра внутренних дел.

Каледин Федор Аркадьевич. 1977 года рождения, из семьи потомственных дворян. Поместий и земельных наделов не имеет. Числится в департаменте полиции МВД империи с 15 февраля 1999 года – первоначально получил назначение на стажировку, сейчас является следователем по особым делам в ранге советника директора департамента Арсения Муравьева. В 2008 году за успех в расследовании «дела Ксерокса» повышен лично государем Императором в «Табели о рангах» – с титулярного советника до надворного³, награжден орденом св. Владимира второй степени.

Характер спокойный, рассудительный. В коррупции не замечен; зафиксированы три случая служебного расследования по жалобам в жестоком обращении с подозреваемыми – например, по «делу Хабельского». Личные вкусы – французский коньяк, компьютерные игры, увлечение музыкой в стиле хэви-метал: «Раммштайн», Blind Guardian и Manowar. Вредные привычки – курение и насвистывание любимых песенок вслух.

В 1997 году состоялось венчание с Алисой Карловной фон Трахтенберг, остзейской баронессой, с каковой г-н Каледин совместно обучался в классе «А» 758-й гимназии. В 2005 году консистория при священном Синоде оформила официальный развод супружеской пары Каледин-Трахтенберг по инициативе баронессы фон Трахтенберг, с мотивировкой

³ Закон о государственной службе в Российской империи, «Табель о рангах», был введен Петром I в 1722 году. Служебный чин титулярного советника в армии равнялся капитану, а надворного – подполковнику.

– «не сошлись характерами по множеству вопросов». Баронесса – дипломированный психолог-криминалист, получила высшее образование в Оксфорде (Великобритания). С 2000 г. работает в Центре князя Сеславинского, занимается научным исследованием поведения серийных убийц и знаменитых преступников. За совместное с Калединым «дело Ксерокса» произведена в камер-фрейлины Государыни Императрицы.

После серии семейных неурядиц в 2009 году Каледин съехал от бывшей жены на съемную квартиру в переулке Героев-корниловцев. По его отъезду баронесса фон Трахтенберг срочно оформила раздел имущества, получив в собственность автомобиль «Тойота» 2004 г. выпуска, двухкомнатную квартиру и гараж – Каледину с курьером доставлены настольные часы, пепельница в виде лебедя и зубная щетка. Характер баронессы – взрывной, отходчивый. За день бывшие супруги способны шесть раз помириться и восемь раз поссориться. Тем не менее отдельной директивой начальника полиции Арсения Муравьева и шефа Отдельного корпуса жандармов Виктора Антипова, с личного разрешения министра внутренних дел⁴, оба рекомендованы к совместной работе в расследованиях государственной важности – ввиду высокой продуктивности этого странного дуэта.

Но только в экстренных случаях».

⁴ Ранее полиция и жандармерия (в современном понятии – госбезопасность) считались отдельными департаментами в МВД.

Глава четвертая

Платный мавзолей

(Департаментъ полиції, здание МВД)

Про себя Каледин отметил, что народ, собравшийся в директорском кабинете, выглядит не очень-то довольным. «Ну так еще бы, – подумал он. – Люди, коих будят посреди ночи, крайне редко бывают рады этому обстоятельству – если только им не сообщают о выигрыше миллиона». Совещание шло уже час, но к единому выводу не пришли: каждый из чиновников украдкой поглядывал на коллегу, втайне надеясь – уж тот-то владеет выходом из щекотливой ситуации. Тайный советник, директор департамента полиции Муравьев нет-нет да и оглядывался на портрет *соправителей* – тихого **цезаря** и строгого **августа**, чей блестящий от бритвы лик не оставлял сомнений в суровости наказания для провинившихся. Вот уже полтора года, как тайным приказом министра двора царей велено изображать вместе, кое-где в целях экономии цезаря банально добавляли к августу фотошопом.

– Милейшая баронесса, – обратился директор к Алисе. – Мы посвятили вас в подробности и ждем, честно говоря, ответную любезность. В центр Сеславинского отправлен на подпись контракт и авансом оплачены ваши услуги. Пожалуйста, нарисуйте нам психологический портрет преступника. Этим утром, с подачи министра двора Шкуро, мне предстоит доложить о происшествии в спальне их императорских величеств – представляю, какой разразится скандал. Олимпиада на носу, а у нас, представьте, преступление века: из могилы в Святогорском монастыре похищены останки Александра нашего Сергеевича Пушкина. Обожаемого поэта, чьими превосходными стихами мы и поныне восхищаемся-с. Ума не приложу, кому это нужно.

Рыжеволосая тридцатилетняя женщина в черном платье (с очень бледной кожей, как это обычно бывает у рыжих) порозовела от удовольствия. К ней обращаются за помощью, на нее, можно сказать, уповают. Вдвойне приятно, когда твою крутизну признает начальство, особенно при бывшем-то муже.

– Для меня это тоже шок, ваше сиятельство, – призналась Алиса. – В наличии целый букет версий, кто и почему мог разграбить могилу. Прежде всего, подозрение падает на богатого коллекционера. Иметь аутентичный скелет Пушкина у себя в погребе – само по себе престижно, даже если некому показать. Пушкин, как общеизвестно, наше все; хищение останков будет иметь огромный резонанс по всему миру, телевизоры взорвутся новостями.

Муравьев еле слышно застонал. В голове пронеслись видения: он едет на Камчатку вице-губернатором и целый год ест сушеную красную рыбу. Нажатие потайной кнопки на днище стола открыло сейф с графином.

– Но понимаю – нужна полная картина, – продолжала Алиса, размахивая руками, как дирижер оркестра. – Остановимся на основных типажах. Возможно, преступник – большой фанат поэта, с детских лет, и решил воссоединить себя с ним в единое целое. Для фэнов, в принципе, это совершенно нормально. Поклонники Doors в Париже спят на могиле Моррисона, дабы пропитаться его духом. У гробницы Есенина фэны устраивают пьянки, становясь как бы собутыльниками покойной звезды. Но это еще не все. Фанатизм определенных личностей столь силен, что я не исключаю наличие сексуального влечения к праху великого поэта...

Муравьев сник. Виски грустно булькнул в хрустальном бокале. Фантазия директора департамента полиции работала на полных оборотах – посмотрев на бархатную штору, он увидел там страшную картину некрофилии неизвестной поклонницы со скелетом Пушкина, последующее явление видео на сайте youtube и разнос на аудиенции в спальне государей императоров.

– Однако, – пронизала ногтем воздух Алиса, – поражает жестокость данного преступления. Да, фанат – существо отмороженное. Однако и он задумается, если на его пути станет священник Но... у разрытой могилы обнаружен труп отца Иакинфа, игумена Святогорского монастыря. Вероятно, тот встретил киллера у ворот, сам провел к могиле, внезапно подвергся нападению и был задушен. Господин (*это слово далось ей чуть ли не по слогам*) Каледин сообщил мне по дороге сюда: отдел электронной безопасности МВД через сотовую компанию выясняет звонки на мобильный Иакинфа – те, что сделаны за последние сутки. Хладнокровно убить человека ради кражи костей автора «Руслана и Людмилы»... Одно это показывает, что перед нами не влюбленный обожатель, живущий эмоциями, а расчетливый убийца.

Муравьев залпом выпил стакан. Воображение сыпало камчатские снега.

– Четырех человек, сударыня, – печально сказал он. – В паре километров от монастыря полиция обнаружила сгоревший «Пракар», а в нем – три обугленных трупа. Рядом валялся отбойный молоток и две лопаты. Очевидно, погибли землекопы, нанятые для разграбления могилы. Слишком круто для фаната, мадам. Почерк показывает профи, возможно офицера Преображенского полка – элиты императорского спецназа. У нас ни одной зацепки, ни единого следа. А ведь полугодом раньше я просил обер-прокурора Синода: пускай в монастырях камеры слежения установят. Так нет – сами монахи восстали, митинг протеста на Красной площади устроили. Дескать, их Господь охраняет; то есть если в честном переводе: «не мешайте нам в обитель таскать баллоны с водкой и тайно девок водить». Теперь мы тут сиди и ломай голову: что за фантом в монастырь пробрался?

Аромат виски окутывал ноздри... Каждый из чиновников не отказался бы сейчас выпить, но вынужден был довольствоваться лишь запахом «напитка богов». Каледин скромно кашлянул, обращая на себя внимание начальства.

– Ваше сиятельство, давайте не будем сбрасывать со счетов другой нюанс, – заметил он. – Иногда делается и такое похищение косточек мертвой знаменитости – с целью выкупа. Известен инцидент, случившийся 1 марта 1978 года на кладбище Корсю-сюр-Веви в Швейцарии: группа неизвестных выкрала гроб с телом комика Чарли Чаплина. Грабителями могилы оказались какие-то механики, желавшие выжать энное количество денег из семьи актера. Однако вдова разрушила злодейские планы, отказавшись платить.

– Мудрая женщина, – восхитилась Алиса. – Конечно, зачем же тратиться на возврат мертвого мужа? Я бы и за возврат живого ни копейки не дала.

– Не, она-то как раз полная идиотка, – мастерски отбил выпад Каледин. – Чаплин предвидел такой вариант развития событий. И в завещании строго указал – не выплачивать выкуп в случае похищения его трупа. Тут даже инфузория сообразит: нарушать волю покойного – юридически опасно. Механиков поймали, а гроб Чаплина закопали на глубине аж два метра – чтобы в другой раз желающим заработать пришлось серьезно попотеть.

Алиса еле слышно шелкнула зубами. На уровне подсознания она искала взглядом на столе горшок с цветком (дабы кинуть его в Каледина), но не нашла. По совету мудрого Антипова (шефа Отдельного корпуса жандармов) Муравьев не держал в кабинете растений, будучи уверен, что это зло.

Паузу прервал тишайший скрип двери – у кресла начальства буквально из воздуха возник шеф отдела электронной безопасности МВД Кирилл Кропоткин, потомок знаменитого анархиста. В марте светлейшему князю исполнилось 24 года от роду – находясь вне службы, он ходил в надетой задом наперед бейсболке, богопротивной майке с надписью Sex Instructor и носил три сережки в верхней части левого уха. Общество не забыло скандал, когда за месяц от князя сделали аборт пять уборщиц министерства. Стоило ему войти, и женщины (включая Алису) неосознанно поправили прически. Очаровав всех доброй улыбкой, князь положил на стол цифровой диктофон.

– Забавную штучку обнаружили-с, ваше сиятельство, – сообщил он, позвякивая серьгами. – Сутки назад на мобильник отца Иакинфа поступил один звонок. Покопались, обнаружили запись. Благоволите-с послушать?

Муравьев, отодвинув стакан, кивнул. Кропоткин нажал кнопку диктофона: раздался царапающий шорох, как при включении виниловой пластинки.

– *Иакинф*, – разбил тишину кабинета сочный баритон. – *Узнаешь?*

– *Нет*, — настороженно ответил абонент. – *А кто это?*

– *Да ё-моё, это ж я – Толя Мельников. Совсем уже зазнался?*

– *Храни меня Господь!* – взревел веселый бас. – *Ну прямо как ангелы божьсы благодарно одарили. Сто лет не виделась, грех-то какой! А сейчас и поста нет, посидели бы за наливочкой – брат Климент делает: опрокинешь рюмочку, аж в членах всех волшебное порхание. Заезжай-ка завтра?*

– *Прости, батюшка*, – погрустнел баритон. – *Проблемы совсем загрызли, аки бесы адские. Звоню не просто так. Дело у меня к тебе... важное-важное.*

– *Как обычно*, – взаимно погрустнел бас. – *Придется самому наливочку дегустировать. Что требуется? Не стесняйся. Чем могу, тем и помогу.*

– *Да вот*, — замялся баритон, искрясь неуверенностью. – *Надо, чтобы ты могилу Пушкина одному человечку показал. Поклонник большой, души не чаёт в стихах... Уж и не знаю почему, но глянуть склеп он хочет после наступления темноты. Смысл в том – вроде как он проведет ночь с великим поэтом. Понимаю, что ночью монастырь закрыт, и дело это сложное...*

Обладатель баса поначалу замялся, но быстро принял решение.

– *Для тебя, друг мой*, – все, что угодно, – сообщил он. – *Конечно, я рискую, но... скажи, в какое время будет лучше. Вообще, у братиш отбой в 9 вечера...*

– *Спасибо, батюшка*, — воспрял духом баритон. – *Какой ты был, такой остался – душа у тебя широкая. Но хочу предупредить, одна тонкость имеется, довольно-таки серьезная... даже не знаю, как тебе о ней сказать. Мне это ОЧЕНЬ надо. Сделаешь, знай: век тебя не забуду. Послушай...*

Запись прервалась, сменившись механическим треском помех.

– Кто знает, что там произошло, – манерно пожал плечами Кропоткин, наполняя комнату звоном колец пирсинга. – Но дальше ничего не записалось. Ясно одно – старый друг настоятеля просит принять ночью некоего загадочного гостя. Содержала ли просьба заведомый обман, или абонент сам послужил слепым орудием хитроумного плана, мы узнаем уже сегодня. Номер телефона принадлежит Анатолию Мельникову – профессору медицины: он знал отца Иакинфа еще с гимназии. Они не виделись уже много лет, но часто созванивались, на все праздники. И мое мнение, господа: для того чтобы профессор требовал принять кого-то ночью, нужны веские основания. Я предлагаю, не теряя времени, навестить Мельникова.

«Прикольно, – подумал Каледин. – Никогда раньше не задумывался... Но отчего во всех расследованиях такой казенный язык и действующие лица с умным видом говорят скучные вещи, о которых любой дурак догадается? Слава тебе Господи, что я не читаю триллеров – иначе крыша съедет».

– Не возражаю, князь. – Муравьев резко поднялся из-за стола, едва не опрокинув стакан. – Вы и Федор Аркадьич (*он нашел взглядом Каледина*), езжайте, побеседуйте с Мельниковым. Если потребуется, задержите для детального допроса... Но прошу, осторожнее. У профессора вся семья погибла в автокатастрофе... Странно, что он даже не упомянул об этом, беседуя с игуменом. Впрочем, не всем свойственно терзать свежую рану. Я, с вашего позволения, еду на доклад к государям... Не знаю, как ноги держат.

Каледин кивнул. Дело было даже не в самом **августе**, а в его окружении. Экономический кризис жрал «Стабфонд», как псих конфеты, и деньги в империи не гнушались извлекать

из всего, что можно, – а уж особенно из того, что нельзя. Полгода назад особым императорским указом ради пополнения бюджета выставили на открытый аукцион аренду могил знаменитостей. Арендаторы сразу же нашлись. Мавзолей Шалыпина на Красной площади взял купец Абрамович (вход туда теперь стоил 10 евро), Патриаршую усыпальницу в храме Христа Спасителя – «король алюминия» Мохоров, а захоронение Пушкина досталось хозяину магазинов «Комарадо», купцу Степану Чичмаркову. Ровесник князя, Чичмарков среди степенного купечества слыл отморозком и прославился одной рекламной провокацией:

**В «Комарадо» я зашел –
Цены там просто песец!**

Щиты с такой рекламой вызвали дикий скандал, но это лишь сработало на популярность. Экстравагантный Чичмарков вхож к обоим государям; думается, ограбление могилы шокировало купца будь здоров – он не преминет надавить, чтобы расследование шло быстрее. Еще бы: кто из поклонников заплатит бабло за лицемерие могилы поэта... если доподлинно известно, что самого поэта в ней нет? А ведь скандалист Чичмарков выложил за аренду склепа 5 миллионов евро... за такие бабки он все МВД до печенок проест. Что ни говори, а Муравьеву сейчас точно не позавидуешь.

– Баронесса тоже едет с нами? – спросил Кропоткин, масляными глазами глядя на Алису. – Ведь профессор в таком горе... вдруг психолог нужен?

– С удовольствием, – обворожительно улыбнулась Алиса.

Каледин наклонился к княжескому уху. Положив руку на эфес сабли⁵, он что-то ласково прошептал и кивнул в сторону двери. Лицо князя вытянулось, он заморгал обоими глазами. Щеки беспомощно обвисли.

– Эээээ... я имел в виду, что мы подвезем баронессу до дома, – сказал он, отвернувшись. – Сейчас слишком рано... да и вообще уже... да-с...

– Не надо, – отрезала Алиса. – Сама доеду, у меня машина есть. Всего наилучшего, господа. Если понадобится, мой мобильный включен.

...Проходя мимо Каледина, она больно наступила ему на ногу.

⁵ В императорской России сабля (либо шпага) входила в форму одежды сотрудников МВД, включая гражданских лиц. По сути, конечно, она была скорее церемониальной вещью, нежели оружием. В наше время полицейские носят сабли на официальных приемах в Испании.

Глава пятая

Достоевский & Вибратор (Кремль, царскія палаты)

Август никак не мог проснуться. Он беспечно ощупывал руками подушку, находясь между реальностью и сном. Что это было? Почему он не спит? Ах да, забыл. С минуту назад его разбудил министр двора, граф Шкуро: позвонил по спецсвязи. Неприятная новость... даже неважно какая. Весь мир состоит из неприятных новостей – по крайней мере, последний год.

Цезарь тоже пробудился. Спешно накинув халат, он полусидел на соседней кровати, опираясь спиной о желтую подушку с вышивкой, и искоса поглядывал на сопровителя. В марте 2008 года государь император помпезно отрекся от престола и удалился на покой: копируя стиль римского императора Диоклетиана, он решил жить в деревне, предаваясь философии и сельскому хозяйству. Через неделю все пошло наперекосяк: выписанные из Австралии кролики отказались есть элитные корма и дружно передохли. Когда в огороде царской дачи завяла последняя морковь, пришлось спасать положение. ТВ объявило, что императора не так поняли – состоялось совсем не отречение, а всего лишь «кратковременный отпуск». Ровнехонько на Пасху оба государя были провозглашены в Успенском соборе сопровителями – «старшим» (августом) и «младшим» (цезарем). Важные эксперты-историки, нанятые пресс-службой Кремля, по всем каналам объясняли в ток-шоу – это возвращение к корням, так издревле было принято в Римской империи... а Москву неспроста называют «третьим Римом». Из Грановитой палаты срочно извлекли двойной трон, чье сиденье в XVII веке делила пара сопровителей из династии Романовых – Иван Пятый и Петр Первый⁶. К сожалению, никто не учел, что трон «заточен» под царей-мальчиков – цезаря, как правило, сдвигали на самый краешек. Один раз он едва оттуда не упал.

Сознание понемногу возвращалось к августу. Зевнув, он хмуро осмотрел лицо цезаря. Тот с кроткой робостью улыбнулся, угадывая последствия.

– Что-то ты не очень здесь смотришься, – сказал август.

– В каком смысле? – осторожно удивился цезарь.

– В прямом, – объяснил старший император. – Я вообще-то тебя под цвет обоев в спальне подбирал. А теперь вижу – ничуть не гармонируешь.

Цезарь опустил взгляд. Человек небольшого роста, с умными глазами, но совершенно незаметной внешностью (из тех, что называют *серой*), он еще два года назад занимал должность царского лейб-пасечника. И даже с перепоя (хотя и не пил) не мог себе представить назначение государевым преемником. В дворцовых кулуарах ходили слухи: дескать, сам-то цезарь существо спокойное и мягкое (в общении с пчелами иначе нельзя), и с радостью, допусти его до власти, разрешил бы в империи различные послабления. Однако до власти цезаря никто не допускал. В основном младший император посещал цветочные выставки, вручал награды за сериалы и присутствовал на открытии заведений общепита. Август, оторвавшись от кроликов, первый месяц был на полшага от того, чтобы приказать экс-пасечнику отречься. Но позже грянул кризис, и август мудро рассудил: ни к чему, чтобы шишки от подданных сыпались только на него одного. Пусть паренек посидит на краешке трона, а впоследствии, когда экономика поправится, он объявит, что хочет вернуться к пчелам. Экономика же, как назло, с каждым месяцем норовила сдохнуть: наличие цезаря, увы, приходилось терпеть – вместе с особенностями древнеримского этикета. По примеру тетрархии⁷ Диоклетиана, протокол вынуждал их почи-

⁶ На этот интересный трон можно посмотреть вот тут – <http://bibliotekar.ru/rusVenec/28.htm>

⁷ Тетрархия (*греч.*) – власть четырех людей. Система правления римского императора Диоклетиана, который взял себе

вать в одной спальне, причем кровати соправителей были установлены в разных углах будуара⁸. Стены царства Морфея дизайнер отделал под слоновую кость, а садовник увил ползучими персидскими розами, оплетающими обои на манер плюща. Роскошная кровать августа имела в изголовье золоченого орла, ложе цезаря оформили подешевле, взяв мебель от предыдущих царей. Шикарная люстра барахлила – она включалась ночью, когда не надо, и разбрасывала розовые лепестки – рецепт императора Элагабала. Ближе к люстре на стенах были закреплены специальные рычаги: страховка от обрушения потолка – этот метод заимствовали у Нерона. Копируя иные тонкости нероновского стиля, оба государя общались с чиновниками, попивая в постели утренний какао. Август часто задумывался: не перегнули ли они с подражанием Риму? «Имперская газета» считала, что по сравнению с самодержавием это даже демократично: в XIX веке царь Александр II Освободитель принимал докладчиков сидя на ночном горшке за ширмой и покуривая кальян.

...Лакеи в ночных халатах из парчи услужливо распахнули перед визитером двери в спальню. Тайный советник Муравьев, с ходу оценив обстановку, поклонился с очень дальновидным расчетом – не кому-либо одному из сонных императоров, а как бы *пространству* между их кроватями.

– Ваши величества, – произнес он, учитывая требования протокола.

Цезарь пошевелился под одеялом. Соправитель махнул рукой в перстнях.

– Присаживайтесь, голубчик. Опять неприятности?

Чередой коротких фраз директор полиции изложил картину всего, что произошло этой ночью в Псковской губернии. От лица августа отхлынула кровь. Он решительно откинул одеяло, привстав с кровати: взгляду Муравьева открылась саксонская пижама из отличного черного шелка.

– Это всемирный скандал. – Император говорил тихо, но уши Муравьева сотрясали громы и молнии. – Злоумышленниками похищен прах Пушкина... совершенно зверское убийство настоятеля монастыря. Я вызываю шефа Отдельного корпуса жандармов. Антипов тоже обязан срочно подключиться к расследованию. Есть ли у вас мысли, кто это мог быть?

– Соображаем, государь, – быстро ответил Муравьев. – Уже вычислено, с чьего мобильного звонили на телефон жертвы. Определенно похищение заказал кто-то со стороны. Об этом свидетельствует быстрота акции, профессионализм и крайняя жестокость неизвестных грабителей.

Государь обратил свой взор на сенсорную панель у кровати, где блестели кнопки с надписями: «Лакей», «Пиво», «Барак Обама» и «Шкуро». Не мешкая, он нажал голубую кнопку: искрясь, засветились буквы «Жандарм».

– На участие Запада что-то указывает? – отрывисто спросил император. – Может быть, опять грузины? Четкая работа, напоминает почерк спецслужб.

– Вряд ли, ваше величество, – покачал головой Муравьев. – Разведка Тифлиса хороша лишь при выезде на шашлыки – есть шикарные спецы, отменно готовят соус к баранине. А так... Североамериканцы в Грузию даже танки теперь поставляют с инструкцией на русском языке: чтобы потом не сломали при перевозке в Москву. Это ж надо такую подлость сделать – завалили нас трофейной техникой. Целые вертолеты скаутам жертвуем на металлолом-с.

– Хорошо мы их разделили – как бог черепаху, – робко подал голос цезарь.

– Кто это – мы? – не оборачиваясь, спросил август.

Цезарь счел за лучшее промолчать.

одного соправителя в 293 году, а потом еще двух. После ухода Диоклетиана в отставку, не понявшие прелести коллективного управления императоры начали смуту и перебили друг друга.

⁸ Совместный сон соправителей – частая вещь в Римской империи: таким образом, считалось, что младший император всегда будет под наблюдением и не сможет ночью плести заговоры о захвате власти.

– Так вот, – продолжил император. – Вскрытие могилы вредит имиджу империи... посему я и не исключил наличия внешних факторов. Ведь Запад-то он, сами понимаете – спит и видит, чтобы показать всем: идея суверенной монархии себя изжила. Хотя... может иметь место и интрига со стороны бизнес-конкурентов. У многих купцов сильна зависть к Чичмаркову – вместе с арендой склепа он получил 99-летний копирайт на образ поэта в рекламе. Меры совсем не знает. Я сам, верите ли, на днях едва в уме не повредился. Еду по шоссе и вижу на плакате: Пушкин с умильным лицом лижет пылесос под слоганом «Я помню чудное мгновенье». Купцы вообще как с цепи сорвались. Покойный Есенин рекламирует йогурт «Актив» – дескать, на вкус так нежен и прекрасен, что поэт раздумал вешаться. Достоевский в теле-ролике вертит в руках модель дамского вибратора и задает ему вопрос: «Тварь ты дрожащая или подзарядку имеешь?» В кризис-то все средства хороши, разумеется, однако с непривычки коробит.

– Это еще что-с, – в тон императору заметил Муравьев. – Я тут, когда миновал Садово-Сухаревскую, своими глазами наблюдал плакат Гоголя – писатель славит препараты от депрессии: «Ты пилюлю съел и жжешь, «Мертвых душ» ты не сожжешь». А Пушкин, он не только с пылесосами – его образ новый владелец умудрился к элитной марке пива привязать.

– Вот-вот, – подтвердил из своей постели цезарь. – Там клип такой: пиво в компании кончилось, спорят, кто пойдет... мол, Пушкин, что ли? И тут Александр Сергеевич встает из гроба, говорит: «Суперпиво, конечно пойду».

Все трое, не сговариваясь, красноречиво вздохнули.

– В любом случае, – вернулся к теме август. – Грабеж могилы уничтожает имидж государства. Это что ж, скажут, за империя такая, где трупы воруют, как с огорода редиску? Я уж молчу о том, что завтра все газеты запестрят заголовками: «Священник убит на могиле Пушкина». Наяву видится, как шелкоперы в таблоидах смакуют версии – наверняка центральной станет та, где дух Пушкина обернулся кровожадным монстром, чтобы убить попа. На всякий случай, следует взять под охрану могилы знаменитостей.

...Муравьев почтительно склонил голову – ожидая дальнейших указаний августа. Минутное молчание подтвердило, что указаний не последует: *соправители* приступали к завтраку. Лакеи, переодевшись в красные пижамы с россыпью желтых орлов, держали в руках подносы – один золотой, другой серебряный – оба от Тиффани. На подносах дымились чашечки утреннего какао с корицей, лежало по горячему круассану, а в вазочке обтаивало ледяное сливочное масло. Августу, чей род происходил из дрезденских баронов, тяжело дался отказ от кофе по утрам, пришлось пройти даже психолечебные курсы. Однако римские владыки кофе не пили, а государь, учредив указом с о п р а в и т е л ь с т в о, старался хотя бы внешне соответствовать латинскому стилю. Правда, в Древнем Риме какао тоже не было в чести, круассаны – и подавно, но открывать царю глаза желающих не нашлось. Двери закрылись, в приемной Муравьева ждал Виктор Антипов, шеф Отдельного корпуса жандармов. Штатский костюм, шелковый галстук поверх свежей рубашки, щеки идеально выбриты, благоухает одеколоном. Муравьев оставил мысль о том, как жандарм умудрился прибыть во дворец за 15 минут, да еще и в костюме с иголочки. Видимо, как японская гейша, спит в отглаженной одежде. Подводили Антипова лишь глаза – красные, с мелкими прожилками, они с потрохами выдавали недосып их обладателя.

Цезарь глотнул какао, придерживая большим пальцем чашечку.

– Я давно хотел спросить, – деликатно обратился он к августу. – Вот ты, царь-батюшка, по телевизору с народом общаешься, на вопросы по прямой линии отвечаешь. А можно и мне, как императору, тоже свою прямую линию?

– Нет, – буркнул август. – Тебе сегодня еще кафе-мороженое открывать.

...Разрезая круассан, цезарь сжал нож – чуть сильнее, чем нужно.

Глава шестая

Язык змеи

(Гонаивъ – набережная, у проспекта Дессалина)

Обветшалые улицы утопали в жидкой серой грязи – под ногами хрустели листья пальм. Ветер свистел между обломков стен и трухлявых столбов, увитых обрывками провода. Разбрызгивая лужу, мимо старухи проехал красочный тап-тап – управляя одной рукой, второй водитель пихал в рот кусок багета в креольском соусе. Среди картонных коробок, гор мусора и гниющих отбросов копошились тысячи оборванцев – большинство жителей Гонаива после урагана не имели своих домов и жили на свалке, под открытым небом. *Мамбо* неспешно шагала, опираясь на суковатую палку: некий умелец со всех сторон вырезал на клюке треугольники открытых глаз. Шофер тап-тапа довез ее до Гонаива без денег, дрожа от страха – пассажиры покинули кузов, едва завидев *мамбо*. Это близко, осталось пройти пару десятков шагов по переулку – *хунган* проживал в старом колониальном особняке, один-одинешенек. Французы строили Гонаив руками рабов, а для хозяина не стараются, как для себя: ветхие здания слипались стенами, крыши ползли вниз неровными краешками, кривые ступеньки лестниц наезжали друг на друга. Кое-где в домах отсутствовали окна – значит, бывшая тюрьма.

Вот такой дом и был ей нужен.

Помещение без окон.

Хунганы в окрестностях Гонаива считались особыми людьми. Как и сама *мамбо*, они практиковали жесткий *водун*, насыщенный черной магией и смертельными проклятиями, этот стиль назывался *конго*. Полудетская вера в доброго бога Бон Дье не принесла здешним рабам счастья – они поняли, что только лишь черное зло поможет им обрести свободу. Ритуалы *конго* проникли на остров с западного берега Африки, от самых темных тамошних колдунов. Церемонии были кровавыми, а связь с мертвецами – неразрывной. *Доктор* сразу склонился к вере в *конго* и начал спать на могилах – духи мертвых во сне овладевали его мозгом, шепча ценные советы. Для свидания с трупом требовалось надеть маску черепа... иначе дух мог подумать, что в мире живых его ждет засада. Даже ребенок знает – живой и мертвый миры враждебны. Только во время церемоний у *хунгана* они способны пересечься, дабы перетечь из одного сосуда в другой, заполняя воздух смесью запахов: гниющая плоть и аромат свежих бананов с ближайших плантаций.

Из-за угла навстречу ей вышла мать с дочерью – босая девочка цеплялась за лохмотья юбки. Показав на *мамбо* рукой, ребенок хихикнул: вид древней старухи, схожей с нахохлившейся вороной, развеселил ее. Мать залепила девчонке затрещину – склонившись в поклоне перед колдуньей, она закрыла плачущей дочке лицо ладонью. **Нельзя долго смотреть на мамбо.** Тебя могут сглазить – и ты навеки попадешь под власть темных сил. Дааааа. Вот и ее когда-то тоже пугали ужасами из бытия колдуний – допугались, что она сама захотела стать такой. Жалела ли *мамбо* о том, что не вышла замуж, не родила детей? Не стоит думать. Когда твоим телом владеют *лоа*, они вытесняют остальное: любовь и жалость. Ты – шкатулка... у шкатулки чувств не бывает. Ей удалось стать лучшей *мамбо*. Разве это не стоит одиночества?

...Она уже на месте. Вот он – старинный особняк с колоннадой, без номера. Спроси любого прохожего, каждый в курсе: здесь живет *хунган*. Дверь открыта... хозяин не боится грабителей. Без разрешения в жилище *хунгана* способен войти разве что сумасшедший. *Мамбо* оглянулась – улица была безлюдна. Судя по следам на мокрой щебенке, мать с дочкой скрылись за поворотом. Порывшись в сумке, старуха достала черную свечу. По вечерам в Гонаиве нет электричества. Зажав в руке восковой столбик, она извлекла еще одну вещь, любовно завернутую в тряпицу. Это понадобится – уже сейчас.

Мамбо зашла внутрь здания. Под ногами слышался хруст, она поднесла к фитилю свечи американскую бензиновую зажигалку. Слабое пламя осветило земляной пол, чья поверхность была усыпана сотнями костей – куриных, кошачьих, собачьих и... человеческих. В углу горкой свалены черепа: отдельно мужские, отдельно женские. Все правильно. Большинству *лоа* хватает обычной курицы в качестве жертвы, однако самые злобные могут потребовать лакомство – пенис мужчины либо глаз девушки. Ожидание ее не обмануло: со всех четырех углов и даже с потолка послышалось густое шипение... такое, которое издают резко залитые водой угли. Стены дома *живут*: огонек выхватил из мрака извивающиеся тела десятков змей. Черная анаконда тянула к ней плоскую треугольную голову, два питона обвили ноги. Не теряя времени, мамбо быстро развернула тряпицу... схватив окровавленный кусочек мяса, она вставила его себе в рот – между зубов.

– УУУУШШШШШШШШШШШШ...

Шипение, вырвавшееся из уст старухи, было таким властным, что змеи моментально отпрянули назад, замерли, затаились, притихли, будто в спячке. *Мамбо* знала, как говорить с рептилиями. Язык лесного удава, смоченный кровью колдуньи, с заклинанием *дамбалла*, буквы наносятся ногтем левой руки. Стоит стиснуть его зубами, и ни одна змея не посмеет тебя тронуть. Расшвыривая клюкой шипящих гадов, ставших для нее безопасными, старуха подняла над головой свечу – делая уверенные шаги, она двинулась в глубь дома. Пройдя по широкому коридору с почерневшими стенами, истекающими влагой от сырости, мамбо оказалась в круглой комнате – *хунфоре*. Вокруг *митана* десятками колыхались маленькие огоньки, с верхушки столба свисали водунские флаги, щедро посыпанные блестками. Сам столб был украшен жуткого вида распятием – таким, при виде коего любой христианин добровольно сдался бы в руки санитаров. Черный крест с частями человеческих тел, прибитыми к нему – особенно выделялись скрюченные, высохшие руки, а по углам креста – две детские головы. *Хунган* – горбатый, обрюзгший негр с плешистой макушкой, сидевший в меловом круге, неохотно повернулся к ней. *Мамбо* принялась к зловонию, которое издавали стены. Кровь. Да, кровь, смешанная с чем-то горелым. У подножия *митана* свалены связки матерчатых кукол: у мастера всегда много заказов. *Хунган* опустил куклу, смятую в левой руке, материя коснулась плоски с чем-то белым. *Мамбо* отлично знала, что там такое...

Человеческий жир.

Достать его на острове совсем нетрудно.

– Добрый вечер, Принсипе, – кивнула она. – Я пришла за своим заказом.

Негр грузно поднялся, вытерев руку о штаны. На жирной шее сквозь складки блеснула золотая цепь – в центре качался квадратный *ангве*. Принсипе делал эти амулеты лучше всех в долине Артибонит, мастерил качественные куклы, он мог достать любые редчайшие компоненты для ритуалов колдовства... Поэтому-то она и обратилась к нему. Чертов негр ломил бешенные цены, но белый щедро снабдил ее деньгами. Хозяин дома был *хунганом* пятого уровня и не дотягивал до *бокора*... старуха же прошла высшую степень посвящения. Он не любил ее (в основном из-за работы с *доктором*), но за деньги способен переступить и через это чувство. В конце концов, *доктора* давно уже нет на этом свете. Тощий кот колдуна мяукнул, лизнув край плоски с жиром. Это животное тоже необходимо для ритуалов *водуна*, и просто так на базаре его не купишь: требуется черный котище, с белой передней лапкой... лишь такая кошачья шерсть применяется в *конго*.

Принсипе подошел к зеленым бутылкам с кровью, долго возился, звеня стеклом. Наконец вытащил откуда-то грязный мешок – натертый прахом мертвецов, чтобы избежать кражи. Тяжело кашляя, негр развязал ремень.

– Только вчера получил из Дагомеи, – произнес он тонким, смешным для его веса голосом. – Отправил туда пять человек, вернулись двое: я не рассчитал с силами. Pardon, я должен пересмотреть цену. За такое берут дороже.

– Но не намного, Принсипе, – усмехнулась *мамбо*. – Разве мы с тобой живем в Париже? На острове жизнь каждого из нас обходится в медный сентимо. За то, чтобы получить монетку, надо потрудиться. Трупов много, а денег мало.

Она коснулась его груди ногтем – длинным, словно лезвие. На шоколадной коже появилась тонкая алая полоска. Лоб *хунгана* покрылся каплями пота.

– «Проклятие Субботы», – с безразличием заметила *мамбо*. – Ты знаешь, я среди немногих, кто владеет его секретом. Выполни договор, и мне не придется огорчать твою семью. В Гонаиве ходит много слухов, но один из них совершенно правдив... Я честная мадам и никогда не обманываю.

Кремовое платье с пышной юбкой захрустело крахмалом: рука старухи вновь скользнула в сумку – перед *хунганом* легла пачка новеньких банкнот. Негр безмолвно раскрыл мешок. «Проклятие Субботы» – слишком серьезная вещь, чтобы спорить с этой ведьмой. Он видел, что становилось с людьми после ритуала. Из глаз кровь лилась, а рот окутывало паром. О нет. Не надо.

– Держи, – произнес *хунган*, считая убытки. – И будь ты проклята.

– Я давно уже проклята, – расхохоталась ведьма. – А ты – разве нет?

В ее руках оказался непонятный предмет – нечто вроде звериной лапы, но крупнее, с удлиненными, как у человека, пальцами. Грубая кожа была покрыта густой мягкой шерстью. *Мамбо* осторожно подула на волосы.

Принсипе сплюнул желтой от трав слюной.

– Я тоже не обманываю, – сообщил он. – Разве я кретин, чтобы рисковать с подделками? Весь остров обращается ко мне, чтобы я нашел нужные артефакты. Я дорожу своей репутацией, умею добывать невозможное. Вспомни – ты сама приходила сюда, ища компоненты зелья для *доктора*. Люкнер подтвердит тебе – это самый настоящий *люп гару*, я гарантирую. Потомков великого Аджа Аджахуто в джунглях Дагомеи почти не осталось: наверное, их десять или еще меньше. Мои посланцы в Африке – лучшие охотники острова... рискуя жизнью, они сделали свое дело. Курьер доставил лапы не только *люп гару*, но и *кпови*, их кровь – в отдельном бурдюке. Мозг, черепа, глаза и язык – все свежее, как ты и заказывала... дорогая Мари-Клер.

Старуха провела рукой по волосам. Уже давно никто не звал ее по имени.

– Прекрасно, – сказала она, скрыв волнение. – Ты профессионал, Принсипе, вот только жадность тебя погубит. Загадка... почему ты так не любил *доктора*? Он обожал *конго*, растворился в нем... взять хотя бы «дядюшек с мешками». До сих пор никто на острове точно не знает – его тайная полиция была живая... или все-таки мертвая? Они скрывали свои глаза: трупы не любят, когда им смотрят в лицо. *Доктор* боялся будущего. Я тоже боюсь.

Принсипе повернулся к образу барона на стене – стандартный череп в темных солнечных очках и цилиндре – идеальный деловой костюм, от костлявой шеи языком тянулась полоска черного галстука. Пламя свечей дернулось, зашипев – ему показалось, что мертвая глазница подмигнула.

– Да, с будущим не все так просто, – согласился *хунган*. — Это как просмотр сериала по кабельному, вроде *Lost*. Страшно хочется узнать, что же в конце? Но если ты сразу увидишь последнюю серию, то потеряешь удовольствие от всей истории... станет просто неинтересно ее смотреть. Однако помни – существуют исключения. Можно перепрыгнуть через пару серий, это нормально. Твой уровень куда выше моего... хотя даже боги нуждаются в людских услугах. *Мамбо* легко читает мысли на малом расстоянии... но не в состоянии видеть будущее. И *конго* такие способности даются только *хунгану*. А ведь ты любопытна, Мари-Клер, как и все женщины. Предоставь мне возможность заработать, и я открою тебе глаза: будет ли успешной нынешняя сделка? Твой заказ не только необычен, но и опасен. Полсотни лет назад ты уже просила достать *люп гару* в Дагомею: *доктору* требовалась сила для проклятия. И ты помнишь, кого он этим убил?

Старуха заколебалась. Действительно... кто знает, чем закончится авантюра белого человека. *Доктор* тогда на весь мир объявил, что смерть американца – результат проклятия *мамбо*. Хорошо еще, что Запад не верит в *водун*... Чем она рискует? *Хунган* уровня Принсипе хорош в черной магии, хотя видит не так уж много, даже расплывчато. В основном – итог сделки, и тени возможных врагов, которые в состоянии ей помешать... К его помощи прибегают наркобароны, отправляющие товар во Флориду. Отблески огня заполнили зрачки Принсипе: негр глотнул рома из плоской бутылки – изнутри стекла красными нитями раскручивалась куриная кровь, в доброй компании перца чили. Сколько *лоа* сейчас приползли *по митану* в эту комнату, незримо наблюдая за разговором? Разноцветные флаги затрепетали, будто от сильных потоков воздуха: но в доме без окон не может быть ветра.

Значит, духи и правда здесь...

– Говори, – прошептала *мамбо*, подставив Принсипе руку.

Хунган расправил кончиками пальцев кожу старухи. Костлявую, как у смерти, ладонь бороздили морщины, портили трещины и бугорки – она была нежно-розовой, словно шкура поросенка. Принсипе оскалился: он больно ткнул ногтем в одну из морщинок, «уходившую» к началу запястья.

– «Бугор удачи» вспух... он налился кровью... да, удача сопутствует тебе. Ты обретишь свою награду и будешь ею довольна. Но подожди... тут еще...

Негр нахмурился, вглядываясь в ладонь старухи.

– Здесь трое людей... – сообщил он, показывая на еле заметные точки. – Это белые. Они хотят тебе помешать. Один молодой... у него полно денег, но в целом он не слишком опасен. А вот двое других... ха... будь осторожна...

Хунган одобрил предсказание хорошим глотком рома. Он наклонил свечу – так, что горячий воск капнул на пальцы старухи. Та не шелохнулась.

– Женщина с волосами цвета меди, – зашептал негр, щупая одну из точек. – И странный белокурый месье... у него шрам на груди, он одет в черное. Они далеко от тебя, Мари-Клер – дальше, чем Дагомея. Убей их, если сможешь. Иначе они придут сюда... И эта женщина заберет то, что для тебя дорого.

Он отпустил ладонь старухи. Лицо *мамбо* застыло, как кусок льда. Прошло минут пять, прежде чем она справилась с охватившим ее замешательством.

Что ж, *мамбо* готова к неприятным сюрпризам. Как только она вернется к себе в хунфор, позвонит *связному* и попросит его об одной услуге. У нее нет необходимых предметов для **обряда** – пока *связной* не прислал посылку, придется действовать своими силами. Все получится – даже наверняка. Однако, во избежание проблем, ей лучше запастись нужным товаром...

– Держи, *мон амиэ*, – перед колдуном легли две бумажки.

Слегка подумав, она добавила еще две, показав подбородком на грудь фигурок у *митана*.

– Твоя плата – с лихвой, – пробурчала *мамбо*. — Отбери теперь три куклы – из тех, что шьешь сам. Две мужские и женскую. Жир не нужен – сумею достать.

Хунган подошел к куклам и присел на корточки. Крякнув, он взял первых же попавшихся, коричневого цвета. «Месье» были одеты в штаны и белую рубаху, «мадам» – в кружевное платье и чепец, *Мамбо* вырвала куклы из его пальцев, не глядя, запихнула в сумку с амулетами – *люп гару вместе с клови*.

– Еще что-нибудь? – произнес Принсипе, как продавец в Мегамолле. – Ты же знаешь – одних кукол мало... жира тоже. Нужны хорошие травы, особая сантерия, масса других компонентов. Я могу поспособствовать...

Старуха направилась к выходу, словно не слыша его. *Хунган* смотрел ей вслед – флаги, окутавшие столб *митана*, вяло обвисли, вроде сдувшихся шариков. Шагнув в направлении

коридора, *мамбо* остановилась, одарив Принсипе холодным взглядом – у него по спине побежали мурашки.

– Я сумею их найти, – пообещала старуха. – Даже не сомневайся.

...Раскрыв сумку, она ловко вставила в рот змеиный язык – с кровью.

элементы империи

Элемент № 3 – Рукотреп & атр; Баблосбор

(Из официальной инструкции для чиновников Кремля)

...В соответствии с пожеланиями воспитания в народе патриотизма, священный Синод подготовил список слов, коими должно заменить в разговоре иностранные выражения, чуждые русскому духу. Их употребление необязательно, но желательно, дабы искоренить чужеземное влияние и привить вкус к корням родного Отечества.

Рукотреп – заменяет «мобильный телефон».

Гой еси – заменяет выражение «окей». Это не совсем одинаково, но другого слова специалисты – славянологи до сих пор не нашли.

Могучий барышник – «супервайзорный дистрибьютор».

Сиськогляд, или *телоголица* – заменяет «стриптиз». Соответственно, стрип-бары теперь положено называть «Сиськогляд-лавка». Намного проще с суши-барами: купцы согласны переименовать их в «суши весла».

Хрен моржовый – ввиду того, что даже консилиум профессоров Исторического университета не смог привести славянский вариант слова «эксклюзив», предлагаем пока остановиться именно на этом варианте.

Летай-гавань — безболезненное переименование «аэропорта».

Идолище поганое – певец Мэрилин Мэнсон.

Красно солнышко – новый вариант выражения «суперстар». Призвано употребляться не только в отношении отдельных актеров и певцов, но также самого Государя Императора и в некоторой степени цезаря.

Благость божья – одобрено как эквивалент «супер-пупер».

«*Пракар*» и «*Донказ*» – шедевры отечественного машиностроения – «Православная карета» и «Донской казак» с заводов на Волге. Государь Император объявил премию и награду тому, кто определит для них названия. По мнению потребителей – то, что производится на заводах империи, автомобилями называть физически невозможно.

Баблосбор – опрос водителей легковых и грузовых средств передвижения показал: именно так они готовы звать любого уличного полицмейстера из Державной автомобильной инспекции (ДАИ). Определение точное.

Трындец — превосходная замена заграничному слову «кризис». В простонародных кругах, среди мастеровых и извозчиков, допускаются варианты более простого и емкого выражения из шести букв.

Офис-приказчик – одна из версий замены слова «менеджер». Тут мнения разошлись – предлагались также «офис-крепостной», «рубль-работник», и «дурак-на-посылках». К точному определению пока еще не пришли.

...Искренне надеемся, что все госслужащие империи воспримут это как руководство к действию и проявят подлинную любовь к русскому духу, показав свое настоящее отрицание низкопоклонства перед Западом.

Подпись и печать: *Министр двора Е.И.В, сиятельный граф Шкуро*».

Глава седьмая

Бальзамировщик

(Ул. Стромынка, 12-этажка изъ кирпича)

Каледин даже не удивился – все оказалось весьма предсказуемо. Подъехав к дому профессора Анатолия Мельникова, что возле пожарной башни на Стромынке, он обнаружил рядом с подъездом знакомую до боли «Тойоту». Извинившись перед коллегами, надворный советник подошел к автомобилю расслабленным шагом. Коллеги двусмысленно ухмылялись за его спиной.

Каледин постучал в дверцу машины. Стекло уехало вниз.

– Алиса, – его голос осыпал экс-супругу кусочками льда. – Мы ж тебя домой проводили. Позволь полюбопытствовать – какого хрена ты здесь делаешь?

– Я передумала, – ответила Алиса непреклонным тоном.

Каледин вздохнул. Да, для Алисы (и всех женщин) это вполне достаточное основание, по типу волка из популярной басни Крылова. «Передумала» – и все тут. Почесав затылок, он тщетно рискнул воззвать к остаткам ее совести:

– Только подумай, в какое положение ты меня ставишь...

Алиса с восхитительной небрежностью пожала плечами:

– А сколько раз ты меня в постели ставил в разные положения?

Каледин порадовался, что коллеги не читают по губам.

– Вы, немцы – народ с лягушачьей кровью, – раскрыл он суть проблемы. – Обожают все на счетчик ставить. У нас же, русских и воистину православных, считается – жена должна ублажать своего мужа, причем желательно без присутствия сантехника. Попрекать этим фактом – столь же безнравственно, как хомячка душить. Довожу до твоего сведения, дорогая баронесса – группой выезда командую я. И кого пускать в квартиру – решаю я. Истерика, даже на диво удачная, тебе не поможет.

Алиса позволяла себе быть истеричкой тогда, когда это достаточно безопасно. В остальных случаях включалась ее остзейская практичность.

– Хорошо, – опустила она голову. – Я возвращаю машину. Будем год по очереди ездить – одну неделю ты, одну я. А после – купи тачку в кредит. Банк «Русская империя» давно предлагает тариф «Бедный дворянин».

К подъезду они вернулись вместе. Тактичные работники департамента сделали вид, что ничего не заметили. Чиновники втиснулись в финский лифт из светлого металла, бочком, стараясь не прижаться к Алисе – разбираться на дуэли не хотелось никому. Красным загорелась цифра «10», и кабина шустро взмыла вверх. Лестничная клетка блестела тремя стальными дверьми. Возле той, что слева, притаились трое спецназовцев из отряда «Варяг» – рослые здоровяки в черной форме, с черепом на рукаве и автоматами через плечо.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – шепотом отрапортовал урядник Семен Майлов – плечистый, горбоносый детина, приветствуя Каледина. – Кажись, самого профессора-то дома и нет. Четверть часа уже тут торчим, изнутри – ни единого звука. Подключали электронную «удочку» на шумы, аж звук дыхания ловит – бесполезно. Прикажете вскрывать квартиру-с?

Князь Кропоткин, прижатый к лифту, суетливо почесал ухо с серьгами.

– Федор Аркадьич, – торопясь, сказал он. – Незаконно-с. У нас же ордера на обыск нет. Может, профессор принял успокоительное и просто спит? Давайте в звонок позвоним, как у культурных людей принято... Вот поражает меня этот дикий спецназ. Им бы только все взрывать да ломать к черту.

Урядник засопел, но фраза «Ты на кого пасть открыл, сука?» в отношении старшего по званию, да еще и обладателя титула «ваша светлость» показалась ему неуместной. Каледин протянул палец к звонку и нажал на рисунок с серебряным колокольчиком. Сначала робко, а затем посильнее.

Из квартиры не донеслось и малейшего шороха.

– Увы, – развел руками Федор. – Боюсь, профессор не оставил нам выбора.

Князь обреченно поежился, представляя грядущее событие.

– Опять взрывчатка, сударь? Грохот будет на весь подъезд.

– Взрывчатка? – откровенно удивился Каледин. – Зачем?

Расстегнув вицмундир, он ощупал ремень – у пряжки были воткнуты четыре булавки. Эту экипировку он привык носить давно – с того времени, когда проходил в полиции практику, будучи молодым коллежским регистратором⁹.

Целый год Каледин ловил домушников, чистящих московские квартиры, – посему премудростей, как вскрывать замки, советник нахватался изрядно.

Игла булавки погрузилась в замок. Подцепив «язычок», Федор нажал на пружину внутри, подводя ее вверх. Дверь отворилась – беззвучно и плавно.

– Вуаля, – сказал Каледин, ловя на себе завистливые взгляды.

Урядник Майлов крикнул, осуждающе покрутив головой. Надо же, его высокоблагородие вякнул что-то вроде «бля», а все стоят и эдаким хамством восхищаются. Скажи он хоть одно матерное слово, ему бы взыскание вышло по службе либо штраф. Трудно понять этих господ. Как иногда подумаешь – может, и зря у большевичков в семнадцатом году ничего не получилось.

– Хм... – заметил Каледин. – Определенно замок не заперт изнутри – даже цепочка не накинута. Похоже, что господин урядник прав, и профессора действительно нет дома. Бахилы все захватили? Надеваем на ноги, чтобы не оставить следов... тихо посмотрим и уйдем. Тьфу ты... да что это за запах?

...В прихожей пахло как в аптеке, носы визитеров обоняли неясный аромат, перемешавший лекарства, спирт и сушеные травы... Ко всему прочему (Каледин был готов поклясться) – в воздухе витали запахи какао, ванили и... нечто парфюмерное. У Алисы сильно закружилась голова – выдернув из сумочки платок, она уткнула в него нос. Поступью бедных родственников, шурша бахилами по кашгарскому ковру в прихожей, Каледин и остальные проследовали в гостиную. Комната была пуста: только белый кожаный диван, люстра со стилизацией под свечи, барный столик и книжный шкаф во всю стену – с корешками толстых фолиантов, притиснутых обложками друг к другу... так плотно, что в мире людей им пришлось бы жениться. К стеклу жалась фотография – в рамке из серебра, увитой траурной ленточкой – молодая жена профессора, в обнимку с двумя детьми, на фоне моря. Урядник Майлов снял берет – деликатно кашлянув, он перекрестился.

Каледин повернулся на каблуках. Покинув гостиную, прошел к рабочему кабинету Мельникова. Остановившись перед закрытой дверью, Федор прислушался. Опять тишина. Он постучал по косяку костяшками пальцев.

– Профессор? Я из полиции. Если можно, позвольте парочку вопросов.

Ничего. Ни звука. Полное молчание.

Федор толкнул ладонью резную пластину орехового дерева – и испытал замешательство. Профессор Мельников, развалившись в кресле, сидел за письменным столом, держа в руке ручку. Мужчина средних лет, классика «чеховского интеллигента»: в старомодной клетчатой «тройке», с полуседой бородкой клинышком, зачесанными назад волосами. Сердитым взгля-

⁹ Коллежский регистратор – самый первый чин в «Табели о рангах», равен прапорщику.

дом из-под золотого пенсне он смотрел Каледину прямо в глаза. Тот глотнул воздух и сразу пожалел об этом – запах сухих трав сделался совсем невыносимым.

– Прошу прощения, – сказал он. – Вы не открывали дверь, поэтому мы...

Небрежно отодвинув экс-супруга, Алиса прошла к Мельникову. Не успел Каледин опомниться, как она приложила два пальца к шее профессора.

– Извиняться перед трупом – излишняя вежливость. Ты не понял? Он, вообще-то, уже мертв, Феденька. Не скажу точную дату смерти – но, судя по цвету кожи, – весьма приличное время. Кто-то успел его забальзамировать.

Каледин единым прыжком преодолел расстояние – от двери до кресла с профессором Мельниковым. Он также попытался проверить пульс, но оставил эту затею – разве может прощупываться сердцебиение, если тело уже остыло? Труп выглядел как живой человек – если бы не чрезмерная белизна по причине наложенной косметики. Полуседые волосы искусно убраны, словно над ними колдовал парикмахер-профи, костюм отглажен, щеки чисто выбриты... даже на ногтях – и то маникюр. Бальзамировка сделана потрясающе: покойник напоминает восковую фигуру из музея мадам Тюссо. Его легко можно принять за живого, учитывая открытые глаза. Специалист – бальзамировщик умудрился придать зрачкам выражение недовольства... будто труп желал пожурить полицейских за вторжение в частную квартиру.

Алиса наклонилась к лицу мертвеца – прикрыв веки, она вдыхала аромат бальзама. Ее ноздри чувственно задержались, как у кошки, учуявшей рыбу.

– Ром, – произнесла она, встречаясь взглядом с Калединым. – Профессору перерезали горло, а затем до краев накачали ромом, как сувенирную бутылку – предварительно слив кровь. – Нюхоток Алисы ткнулся в разрез на шее Мельникова толщиной с нитку. – Набор неизвестных мне трав, плюс специи... надеюсь, анализ покажет. Похоже, присутствует перец. Не знаю, работал над ним один человек или целая бригада, но выполнено все блестяще. Хотя сейчас вынимай из кресла – и на бал к его величеству.

Каледин отобрал у Алисы платок и приложил его к своему носу. Не отвечая, он осматривался вокруг. Понятное дело: лишнего свидетеля, который способен указать на заказчика грабежа могилы Пушкина, могли убрать – это даже вполне по закону жанра. Но для чего тогда устраивать все ЭТО шоу?

... Черные, оплывшие свечи. Полно свечей. Ковер (на этот раз афганский, грубой работы) завернут к стене – бальзамировщику нужен пустой пол. Большой бурый круг вокруг кресла – обрисован кровью, смешанной с землей... рядом валяются рыбы скелеты и множество чешуек. В центре круга – рисунки, нечеткие, будто сделаны рукой ребенка... белая курица, белая обезьяна... голова клыкастого существа – с пятнышками, типа в горошек. Во всех четырех углах комнаты – лужицы засохшей крови, в каждой валяется кусочек ткани в россыпи блесток. Флажок из аналогичной материи был закреплен на столе и старательно вымазан кровью. Урядник из спецназа сглотнул, заново перекрестившись, так же не замедлили поступить прочие чиновники. Каледин поманил пальцем полицейского фотографа Терентия Лемешева. Федор молча обвел рукой комнату, от пола до потолка, как бы заключая ее в своеобразный купол, и причмокнул. Лемешев кивнул, так же не произнеся ни единого слова. Он присел, чтобы было удобнее снимать, защелкал затвором – ярко полыхнула вспышка «Никона». Федор пытался и не мог понять: **почему все это кажется ему таким знакомым?**

– Господа, – нудно-казенным тоном сообщил Каледин, – звоните в труповозку. Тело пора доставить в морг. Требуется взять образцы тканей покойника, рыбьих костей, материи. В лаборатории будут ждать. Уже очевидно, что дело не в похищении гроба богатым коллекционером или бандитом с целью выкупа – свидетелей так не убивают. Приступайте-с.

Карман на груди вдруг задрожал, вибрировал отключенный сотовый.

– Алло, Каледин слушает.

– Доброе утро, это Степа Чичмарков, – прозвучал из динамика задорный голос. – Мужик, мне сорока на хвосте принесла, что тебе поручили расследование со вскрытием склепа моего Пушкина. Кровно заинтересован в результатах. Если не возражаешь, зарули ко мне в офис ближе к ночи.

– Возражаю, – скучно ответил Каледин. – У меня совсем нет времени.

Голос в трубке это ничуть не смутило.

– Типа, мужик... мне твой телефон дал директор полиции, – как бы невзначай заметил Чичмарков. – Он одобряет нашу встречу. Когда тебя ждать?

– Примерно в полночь, – сквозь зубы сказал Каледин.

Он с радостью запустил бы телефоном в стену, но скромность жалованья надворного советника запрещала подобный поступок. Подумать только! Заштатная купеческая морда обращается к нему на «ты», словно вчера они бухали в соседнем трактире. Конечно, у редких дворян в XXI веке сохранились поместья – все бабло у купцов, чьи секретари охотно нанимают на корпоративы князей рода Оболенских на балалайке сыграть и с выражением почитать стихи. Рискни возразить этому «королю пылесосов» – раз в неделю подле самого государя завтракает. Каледин уставился на Алису, подсознательно ища поддержки. Та протянула руку, щелкнув пальцами.

– Что? – с неприкрытым раздражением спросил Каледин.

– Платок верни, – в тон сообщила Алиса. – Он денег стоит.

Федор втиснул ей в ладонь смятый платок. Внезапно его осенила идея.

– Ты что сегодня вечером делаешь? – спросил он шелковым голосом.

– Для тебя – ничего, – огрызнулась Алиса. – Я страшно занята.

– О, как жаль... – разочарованно закивал Каледин. – А я-то думал, ты отправишься со мной в офис Чичмаркова на Тверской... говорят, его по спецзаказу лично Дольче с Габаной разрисовали... охренеть как стильно. Ты вечернее платье в кредит взяла, жаловалась, что некуда пойти себя показать... ну, конечно, как угодно... Я к Институту благородных девиц подойду вечером, а то сама знаешь – без дамы визит наносить неудобно.

– Ой-ой! – вскрикнула Алиса. – Совсем забыла – проклятая рассеянность!

– Это из-за возраста, – сочувственно подсказал Каледин.

– Зато я не облысею, – отбрила его Алиса. – Короче, только что случайно вспомнила. Заболел эээ... мой, моя... косметолог. Тебе жутко повезло – именно сегодня в полночь я и свободна. Это в интересах расследования.

– Замечательно. – Сладкая улыбка Каледина разлила в воздухе тонну яда.

«Ну что ж, не все коту масленица, – думал надворный советник. – Алиса обладает уникальной способностью портить людям жизнь. Привезти ее на Тверскую – Чичмарков минут через пять в петлю полезет. В другой раз задумается, козел, стоит ли отрывая занятых людей от работы».

Покидая комнату, Федор обратил внимание на странную вещь. Черно-красный флажок с блестками шевелился, словно его трепало ветром.

...Окна оставались плотно закрытыми. Никакого ветра здесь не было.

Глава восьмая

Саркофаг из гранита (Париж, у моста Александра III)

Люсьен

Фонарик ударился о мрамор, откатившись к колонне, пятно света остановилось, мелко дрожа. Сила выстрела толкнула Анри в объятия мраморной богини в античной тунике – он ударился головой ей в живот. Тело выгнулось, повернув шею, мертвец смотрел своему убийце в лицо. Секунда – и Анри сполз к ногам богини Победы, оставляя на мраморе широкий красный след. Дуло пистолета вернулось к потолку, глушитель превратил звуки выстрелов в шипение, видеокамеры рассыпались пылью мелких осколков. Античные существа с выложенного золотом купола молча взирали с фресок на труп, распростертый посреди лужи крови. Человек в форме охранника – лысый крепыш с квадратным лицом – сунул пистолет за пояс. Отлично. Пока они разберутся, в чем дело, он успеет скрыться – пути отхода заранее определены. Сигнализация сработает чуть позже, после *взрыва...* время еще есть. Sms от Сали пришло 15 минут назад. Думается, сейчас весь Париж в панике от дерзости террористов, осмелившихся взорвать бомбы в центре переполненного людьми вокзала Gare du Nord.

Цель усаждала взгляд – саркофаг из русского порфира на гранитном серо-зеленом цоколе – смешно, он всегда напоминал ему ванну чудаковатого нувориша. Мозаичный венок ожерельем смыкается вокруг гробницы, каменные листья испачкала красная жидкость – на полу жалко скорчился труп Анри с раздробленным затылком. Дева Мария, сколько же в нем крови, прямо как в зарезанной свинье. Прости-прощай, старичок. Да, мы напарники, да, давно работаем вместе... но два миллиона евро – это все-таки, извини, два миллиона евро. И не говори, что на моем месте ты поступил бы иначе. Присев на корточки, Люсьен достал из сумки три самодельных бомбы, вернее *бомбочки* – похожие на мыло куски пластиковой взрывчатки С4. Лучше бы обойтись без тротила, но пардон – гранит толстенный, саркофаг автогенном не вскрыешь.

С взрывчаткой Люсьен работать умел: пять лет «оттрубил» в Африке, в саперных войсках. Отодвинув ногой голову Анри, убийца приклеил С4 обычным скотчем с обеих сторон гробницы, у самой крышки – чуть повыше гранитных венков. Отбежав за ограду с барельефами, Люсьен нажал кнопку на пульте. «Мыло» рвануло в унисон, пространство между статуями богинь в туниках заволокло дымом. Стекла окон чудом уцелели... то ли их спасли золоченные кресты, то ли волна прошла совсем низко и весь удар взрыва приняли на себя статуи. Люсьен верно рассчитал заряд – крышка саркофага, треснув, развалилась на крупные куски и просела внутрь. Эффект – супер, но дело еще не кончено. Внутри – целых шесть гробов, друг в друге, словно русская матрешка. Один жестяной, один – красного дерева, два цинковых, один из черного дерева, и последний – из дуба. Дерево-то истлело, а вот цинк придется вскрывать как консервную банку. Заряд – совсем чуть-чуть взрывчатки. Бумммм! Обломки дерева и куски железа взлетели вверх, с треском посыпавшись на головы богинь.

Кашляя в дыму, Люсьен прыгнул в «брюхо» саркофага, запустив руки в мешанину содержимого. Останки пахли странно – медицинской стерильностью и аптекой. Сухие кости шуршали, рассыпаясь в ладонях – Люсьен горстями пихал их в сумку, вместе с пуговицами, обрывками грубой материи, кусочками шелка. Последним оказался круглый, как яблоко, череп с остатками жидких волос. Убийца пошарил рукой по дну, пальцы до крови кололи осколки гра-

нита. Нет, пусто. Он забрал все, что можно. Оперевшись на бортик, Люсьен спрыгнул на пол, не забыв сумку с набором костей.

...Пора. Сейчас сработает сигнализация. Мишель уже ждет.

Мишель

Восемьдесят два года – это все-таки не шутка. Старик был уверен: второго такого шанса ему не представится, и лучше не рисковать. Когда на него вышли с *предложением* — он даже не колебался. Цену назначил божескую, хотя и немалую... Без его помощи у них нет вариантов, вообще нет. В Доме Инвалидов содержится сотня ветеранов, к каждому не подкатишься, слухи же расползаются быстро. Мишель зябко повел плечами. Лето, а такой холод на улице, ветрище. Впрочем, в последнее время он часто мерзнет – старческая кровь, что поделаешь. Приняв *предложение*, Мишель подошел к делу со всей ответственностью: как-никак бывший офицер, командовал ротой в Алжире, из руки доктор две пули достал... с тех пор она и не гнется. Старик заимел строгую привычку ближе к полуночи прогуливаться между аллей и фонтанов комплекса, объясняя, что пребывание на свежем воздухе помогает ему уснуть. Чудаковатых дедков в Доме хватало, и охране предписывалось относиться к ним с уважением – старики храбро защищали Францию. Увидев по телеку новость о теракте на Gare du Nord, Мишель понял – пора готовиться. Прихватив рюкзак и портфель, которые позавчера передал ему Сали, старик вышел в направлении Собора, слушая стрекотание ночных цикад. Несмотря на взрыв, окна здания были на месте, а непрерывный вой сирен, доносившийся со стороны творения Эйфеля, способен заглушить пушечную канонаду. Люсьен появится с минуты на минуту – старик затаился в кустах, с левой стороны церкви. Он не хотел признаваться, что завидует молодому сообщнику. Вот надо же, сумел ухватить фортуны за хвост – всего сорок лет, а сцапал жирный куш... эх, вот был бы он сам помоложе... А теперь ему, сгубившему здоровье на войне, подачкой кидают вшивую комнatenку в Доме Инвалидов и говорят: радуйся, ты будешь жить в знаменитой богадельне... мы признаем твои заслуги. Поганые собаки.

От горьких мыслей его отвлек топот ботинок – из здания церкви выбежал Люсьен. От взгляда старика не укрылось, что сумка Люсьена *обвисла*, наполнившись чем-то тяжелым. Мишель приложил руку к груди, пытаясь унять бьющееся сердце. Оглядевшись, Люсьен рванулся к кустам.

– Успел? – спросил Мишель напарника, едва охранник достиг «зеленого друга».

– Да, мон колонель, – весело ответил тот.

Его рукав был в крови, и мудрый Мишель не стал задавать вопрос, куда делся Анри. В Алжире он убивал людей совершенно бесплатно – а тут такие-то деньги всего за один труп.

– Держи. – Люсьен пихнул ему сумку. Старик сейчас же сжал ее крючковатыми пальцами. – Неси, Сали ждет. Сигнализация включится через двадцать минут, так уж она устроена – никакой хакер не поможет. Давай сюда мою.

Мишель без звука протянул портфель. Уложенные в пачки, там лежали деньги – туго спрессованные банкноты по 500 евро. Люсьен не стал проверять – люди надежные, с задатком не обманули. Высыпав тяжелые пачки внутрь плотно застегнутой на животе куртки (и став толще чуть ли не в два раза), он вылетел из кустов, махая бегущим к Собору охранникам.

– Это налет! – громко закричал он. – Террористы! Вызываем спецназ!

Охранники припали к земле, защелкали затворы, завопили рации. Из дверей Собора валил дым – кажется, что-то загорелось. Люсьен рухнул в траву, пару раз выстрелил наугад, в воздух, коллеги поддержали его, паля из пистолетов. Спрессованные деньги больно упирались в живот и грудь, но это была приятная боль, ценная тяжесть. Перекатившись, он прыгнул через стену...

Мишель восхищенно покрутил головой. Ну, ищи ветра в поле – а коллеги-то, дураки, сейчас поражаются героизму Люсьена. Их не волнует, почему парень за два часа так капитально растолстел. Ковыляя, он поплелся к воротам, придерживая локтем сумку. В суматохе никто не обратил внимания на выжившего из ума старика – глупый дед, несмотря на дым, вой сигнализации и выстрелы, не может отказаться от своей любимой прогулки. Прошло минут двадцать, прежде чем Мишель миновал пределы Дома Инвалидов и добрался до моста Александра III. Стоя неподалёку от покрытых золотой краской орлов, прямо под фонарем посреди круга света, его ожидал смуглый, чернявый парень невысокого роста, в кожаной куртке.

– Сначала деньги, – строго приказал ему Мишель.

– О, разумеется, местье, – ответил тот с сильным албанским акцентом.

В отличие от легкомысленного Люсьена, дед разорвал одну пачку, пересчитав деньги. Нет, все правильно. Обманывать им не с руки. Албанец скрылся в ночи, забросив за спину мешок с костями, а старик присел – прямо на асфальт. Надо немного передохнуть, а потом двигаться куда-нибудь. Куда? Да неважно. Новому миллионеру везде будут рады. Как насчет Рио-де-Жанейро, местье полковник? Сейчас самое время для хорошей капирины¹⁰.

Сали

Из-за теракта дороги перекрыли, но Сали уже продумал, как добраться в Булонский лес. Сначала дворами, потом шоссе. Албанца душил экстаз, по пути он то и дело шупал мешок, чувствуя под пальцами твердую кость черепа. Вот он и богат. Богат, вашу мать! Шайтан побери, и почему они не додумались раньше? Дело ясное – из-за Ахмеда: этого ишака при рождении точно Аллах в лоб не целовал. Родной брат уверен, что «крышевание» шлюх из Румынии – предел грез. Нет, спасибо. Эдак всю жизнь можно провести на улице, торгуя «коксом», собирая дань с «фермёр»¹¹ и перевоза вонючих китайских нелегалов. Сали давно мечтал о настоящем «скачке»... таком, что обеспечит баблом на всю жизнь. Аллах свидетель, насколько легко образуются крутейший гоп-стоп, если подойти к нему с умом!

Год назад он был уверен: для ограбления Собора Инвалидов понадобится целая армия – с танками и вертолетами. Шутка ли – до зубов вооруженная охрана, датчики движения, электронные замки, видеокамеры... злоумышленника сразу вычислят – за километр. Кося под любознательных туристов, они навестили Дом раз двадцать, засняли на телефон все, что могли – пункты охраны, кнопки сигнализации. Хакиму кровь в голову ударила – предлагал подкатить к стене на бульдозере с тротилом, взорвать стену... боевиков парень обсмотрелся. Зрелищно, но бестолково. Оказалось, раскинешь как следует мозгами, и нет ничего невозможного. Пятнадцать лет назад ушлые пацаны прямо под носом у фликов вынесли картинки из Лувра. А там тогда стояла крутая сигналка – реагировала на обычную вибрацию и включалась, если просто сдвинуть экспонат с места. Но одного ума мало. Нужны деньги, много денег. Мудрец сказал – нет в мире такой крепости, что не возьмет осел, груженный золотом.

Планы оставались планами, пока Сали не нашел заказчика. Точнее, заказчик нашел его, но это и неважно. Уважаемый человек... во время поездок в Париж он сотрудничал с «атой»¹², покупая у него оптом девушек, а Сали что... обычная «шестерка» на подхвате... однако заказчик разглядел в нем скрытый потенциал, и Сали ему за это благодарен. Они общались по sms, все происходило втайне. Поначалу Сали не очень-то верил в серьезность его намерений, но после доставки чемоданов с м и л л о н а м и – пришлось поверить. Дела заскользили, словно по маслу. За неделю навели мосты, с кем нужно, два человека со стороны понадобились. Завер-

¹⁰ Капирина – бразильский коктейль: водка кашаса, лайм и сахар.

¹¹ Девок (алб.) .

¹² Ата (отец) – глава группировки албанской мафии, типа дона.

бовали старичка из местного дома престарелых¹³ – даром что еле на ногах стоит, а торгуется, словно тигр. Львиная доля *налички* ушла офицеру из охраны Собора, ну, тут святое дело, на нем больше всего завязано. Отключить сигнал, заложить взрывчатку, очистить гробницу: на все про все 20 минут, до повторного включения сигнализации – работа не для сопляков. Легавому придется и морду на пластическую операцию класть, и новый паспорт делать, и из страны рвать когти... А это тоже не бесплатно.

Оставшуюся часть плана взвалили на себя сам Сали и его приятель Хаким. Жизнь в XXI веке состоит из ТВ – его-то они и использовали по полной программе. Сшили черный флаг, отпечатали на полотнище белой краской арабскую вязь «Бисмилля иль рахман иль рахим»¹⁴, намотали на лица клетчатые платки – получилось устрашающе. Взяв в руки по автомату, прочли перед камерой заявлениице – от имени ячейки «Моджахедов в Париже». Мол, «в ту ночь, что будет море огня, падет нечестивая цитадель Эйфеля, и потонут в крови гяуры». Запись разместили в Интернете, но реакция была вялая. Слишком много развелось психов, мечтающих о славе. Даже сам Бен Ладен видео на МТВ присылает, лишь бы они только в прайм-тайм транслировали.

...Сигнал от заказчика поступил вчера. Оставалось начать шоу, а в этом друг Хаким был мастер. *Устройства*, говорит, заложить было нетрудно: у платформ толкается полно народу, и все с чемоданами. Ровно в одиннадцать вечера Хаким нажал кнопку мобильного – на вокзале Gare du Nord сдетонировали четыре пакета. В каждом – по ручной гранате и полкило крошечного стекла. Расчет верный: мало кого эта бомба убьет, зато раненых будет сотни три.

Так и случилось. Дым, грохот, пламя, вопли: слышно аж в соседних районах. На всех парах примчалось телевидение, вокзал утыкали камерами. Выждав, Хаким позвонил в газеты, сделал заявление: следующая цель, как и обещали «моджахеды», – Эйфелева башня, через полчаса у ее основания рванет бензовоз, до краев набитый гексогеном. Слава Аллаху, на свет из Интернета вытащили их видеозапись и давай ее гонять по каналам, перемежая с кадрами орущих людей в кровище. Паника – супер-пупер. Половина фликов оцепила вокзал в поиске новых бомб, другая побежала к Эйфелевой башне. Полицейские участки разорвало шквалом звонков – на этой дискотеке видели бомбу, в том магазине подозрительный пакет... Отвлекающий маневр. Собор Инвалидов вследствие этого тарарама можно было брать голыми руками – полиция не придет, все на ушах стоят. Офицер-охранник отключил сигнализацию «для пожарной проверки»: далее, по плану он убивал напарника и решал вопрос с видеокамерами. С4 Люсьен достал сам – как-никак, кучу лет отслужил в саперах... служба уходит, а связи остаются.

...Сали притормозил машину. Вот и лес. От черных силуэтов деревьев ему на секунду стало жутко, но он справился с волнением. Включив фары, албанец несколько раз мигнул, направляя лучи меж стволов сосен. Во вспышках света проявились Хаким и курьер от заказчика, прибывший этим вечером, – стройная девушка, закутанная в фиолетовый плащ, с острым, как клюв цапли, носом, и соломенными волосами. Привлекательная, но в глазах холод. Впрочем, такие хороши в постели. Будет шанс ли сегодня это проверить?

Червинская

Девушка рассматривала кости, как зверь – пристально, поднося ко рту, обеими ноздрями втягивая запах смерти. Один раз она едва не коснулась высохшего черепа языком, вызвав у Сали и Хакима приступ тошноты.

¹³ В учреждении, о котором идет речь, действительно проживает около полутора сотен ветеранов войн, которые в разное время вела Франция. Можно сказать, это особо элитный дом престарелых.

¹⁴ Во имя Аллаха, милостивого, милосердного (*араб.*).

– Какова гарантия... – безжизненно произнесла она. – Что это не обман?

Уголки губ Сали брезгливо дернулись.

– У тебя есть телефон? – Он сжал кулаки, Хаким также подвинулся вперед. – Тогда выйди в Интернет, сразу наткнешься на новость об ограблении века.

Девушка смерила его холодным взглядом. «Айфон» быстро загрузил сайт агентства «Рейтер» – новость о налете на Дом Инвалидов стояла первой, вслед за ней – об угрозе взрыва Эйфелевой башни. Девушка захотела улыбнуться.

Но не смогла.

– О'кей, – сухо произнесла Червинская. – Я убедилась, однако...

Сали переглянулся с Хакимом: оба презрительно усмехнулись. Бабы. Они не упускают случая, чтобы подчеркнуть свое превосходство над мужчиной.

– Faleminderit¹⁵, – подчеркнула девушка на албанском.

Уложив кости обратно, Сали небрежно бросил сумку к ее ногам.

– Думаешь, на черепе голограмма от подделки?! – спросил он, бравируя своим негодованием. – В другой раз я попрошу прислать нового курьера.

– В другой раз... – с детской радостью повторила девушка.

Албанец понял... о Аллахе, да она под кайфом! Вот почему такое поведение! Что ж, тем лучше. За дозу кокса эти гордячки сразу становятся шелковыми.

Елена завязала мешок. Свет от фар автомобиля бил ей в глаза.

– Вы получите вторую половину денег... после экспертизы.

Сали уже остыл – он передумал злиться. Хаким кивнул, не дожидаясь его согласия. А почему нет? Заказчик должен убедиться в качестве товара. С платежом не обманет, прислал ведь миллионы на подкуп старика с легавым. Сали зовет его по имени, вбил в память мобилы номер телефона. Кстати, об этих двоих, из Собора... надо спросить Хакима – он все сделал правильно?

Сали перевел взгляд на девушку. Та не жмурилась от яркого света.

– Ладно, – согласился албанец. – Поедем ко мне? Предлагаю развлечься в честь удачной сделки. У меня кое-что есть. Гарантирую – тебе понравится.

На ладони блеснул пакетик в целлофане. Червинская закивала.

– О да, – шепнула она тихо, как самой себе. – Сейчас развлечемся.

Левый каблук ее сапога стукнулся о правый, из каблука выскочило лезвие – тонкое и острое. Подпрыгнув вверх, девушка развернулась в воздухе – плавно, словно в балетном пируэте. Сали не успел опомниться – в его руки свалился круглый предмет, обжигая ладони струями горячей жидкости.

Это была голова Хакима.

Губы убитого дергались – будто пытаясь что-то сказать. В ужасе отшвырнув от себя голову, Сали попятился, споткнулся о камень, упал навзничь. Рука скользнула за отворот куртки – к пистолету... Девушка взвилась ввысь, как птица. Последнее, что албанец увидел в жизни, – летящее к нему лезвие. Нож вошел в глазницу, пригвоздив затылок Сали к земле. Дождавшись окончания конвульсий, Червинская нагнулась, чуть повернула каблук вправо – полоска стали скользнула назад, голова мертвеца завалилась набок. Обыскав труп, девушка забрала сотовый и ключи от машины. Взявшись пальцами за нос, она сочно поцеловала Сали в мертвые губы, лизнув выступившую кровь.

– Mirupafshim¹⁶, – наконец-то смогла улыбнуться Червинская.

«Айфон» издал птичье чириканье.

¹⁵ Faleminderit (алб.) – пожалуйста.

¹⁶ Mirupafshim (алб.) – спасибо.

«Гостиница отменяется, – высветилось сообщение *связного*. – Через два часа – аэропорт Орли, дипломатический рейс в Москву. Пилот будет ждать на входе в зал, у него твой второй паспорт. Пройдешь к самолету без регистрации и таможенного досмотра. По прилету передашь груз курьеру, пароль – *лоа*. Если не придет – спрячь в условленном месте. Позже из Москвы – новый вылет, загляни в почту, распечатай электронный билет».

Садясь в «Рено» албанцев, девушка аккуратно пристроила сумку позади себя.

...Седой сгорбленный старик на мосту Александра III не мог оторваться от зрелища своего счастья. Раз за разом он с наслаждением перебирал в руках денежные брикеты, чувствуя упругость гладких банкнот. Мишель упивался воем сирен, словно сладкой музыкой, почти ощущая ласки мулаток в Рио-де-Жанейро. О, надо же... одна пачка тяжелее других. Как он не увидел сразу? Спереди и сзади бумажки по 500 евро... и что за «кирпичик» в середине?

Дева Мария! Это же...

Яркая вспышка согнула фонари на мосту, выбив из них стекла, толстые металлические стержни силой взрыва скрутило в штопор. У золоченого орла снесло крыло, в воздухе закружились сиреневые банкноты. Спустя минуту взрыв потряс пригород Клиши-су-Буа – сработала бомба в сотовом телефоне Люсьена. Хаким сделал свое дело, но полюбоваться на результат уже не мог.

...Дом Инвалидов залили огни сотен софитов – все телекомпании мира, покинув Gage du Nord, наперебой давали в эфир шокирующую новость.

Глава девятая

Кисуля венценосная (Кутузовский проспект, ночь)

Император объявился в шопинг-центре «Перекрестье» в разгар ночи. Словно снег на голову, одетый в элегантный серый костюм, в кожаных сандалиях, с летним золотым венцом на голове. Едва его величество, с интересом рассматривая рекламу, вошел в супермаркет, две продащицы сразу упали в обморок – а пятеро прочих испытали внезапный оргазм. Одарив верноподданных парой горстей конфет «Мишка», август потребовал присутствия главного купца. Сонное начальство в жилетке и картузе, с бородой лопатой под белые ручки извлекли из кабинета, представляя царю. Первое время купец был бесполезен – держался за сердце, часто хватая ртом воздух. Лишь после стопки коньяка его речь обрела нужную связность.

– Твое величество, – снял картуз купец, – какими судьбами к нам?

– Да вот, – погрозил пальцем государь, – мне на совещании сказали, что в империи кризис. А вы, купечество, гнусным образом цены ломите, хотя в Европах их снижают. Решили дружно по вашему магазину пройтись, прямо из Кремля – а то, знаете, давно на шоппинге не был. Очень любопытно-с.

Купец униженно кланялся, подметая бородой пол.

– Царь-батюшка, – залепетал он, – да что ж сразу к нам? Недостойны. Эвон, по дороге из Кремля сколько всего славного. Ты бы, кормилец, в бутик «Версаче» зашел али «Тиффани» – вот где подлецы, кризисом пользуются: ломают с православных втридорога в еврах своих. А у нас что? Цены наискромнейшие, в убыток себе работаем, Бога-то ить не забываем!

Государь подошел к мясному прилавку, любуясь розовыми отбивными. Купец за его спиной, ломая ногти, распечатал пачку успокоительного.

– Это что ж свинина-то такая дорогая? – строго спросил август.

– Почему же дорогая, благодетель? – икнул позади купец.

– Да сам не знаю... – сообщил император, почесав затылок под венцом. – Я-то, откровенно сказать, давно не в курсе, почем свинина. У нас в Кремле она бесплатная, бери да кушай. Здорово быть государем... правда, Шкуро?

Граф молодцевато шелкнул каблуками.

– Никак нет, ваше величество, – отчеканил он. – Здорово и клево – это служить своему императору. Другого счастья мы не знаем и знать не хотим!

– Зачет, – довольно кивнул август. – Ну что ж... тогда ты скажи – тут дорого?

– Понятия не имею, государь, – пожал плечами Шкуро. – Я такое говно не покупаю. Затовариваюсь на фермах, где выращивают экологически чистых поросят. Там, кстати, тоже даром отдают... прямо беда какая... боремся с коррупцией, а все бесполезно. Надо сажать тех, кто дает – а не кто берет.

– Чудная мысль! – восхитился император. – Молодец, хвалю. Есть, правда, опасность: чиновники будут брать двойной тариф с взяточдателя, угрожая его следствию заложить. Ладно, если никто не знает цен на свинину, посмотрю-ка я бумаги... из Интернета кой-чего скачал, прихватил с собой.

Купец побледнел, смяв в руках картуз.

– Свиньи-то у нас какие, царь-батюшка, – понес он околесицу. – Первостатейные свиньи. На иную смотришь – не свинья, а прямо министр. Холеная, взгляд умный, копытца чищенные... хоть газету давай читать.

Пресс-секретарь государя, обер-камергер Сандов больно ущипнул купца за локоть. Тот застыл на месте, глаза дико вращались, как у сломанной куклы.

Лицо пошло красными пятнами – купец был близок к потере рассудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.